

SOCIOLOGY OF CITY

2017 no 2

Scientific-and-theoretical journal

4 issues per year

Year of foundation — 2007
1st issue was published in 2008

Russian Federation, Volgograd

Founders:
Volgograd State Technical University
(VSTU)

The journal is included in Russian Science
Citation Index (RSCI)
(<http://www.elibrary.ru>),
Ulrich's Periodicals Directory
(<http://serialsolutions.com>),
DOAJ (<http://www.doaj.org>),
EBSCO (<http://www.ebsco.com>)

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
технический
университет

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Sotsiologiya Goroda

2017 № 2

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.
1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
технический
университет» (ВолгГТУ)

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень
ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), <http://www.elibrary.ru>,
Ulrich's Periodicals Directory, <http://www.serialsolutions.com>,
Directory of Open Access Journals (DOAJ), <http://www.doaj.org>
EBSCO, <http://www.ebsco.com>

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук
И.В. Стефаненко
(ВолгГТУ, Волгоград)

зам. председателя — д-р экон. наук,
проф. **О.В. Максимчук**
(ВолгГТУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. **А.Н. Богомолов**
(ВолгГТУ, Волгоград)

канд. архит., проф. **А.В. Антюфеев**
(ВолгГТУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. **Л.В. Примак**
(РАНХиГС, Москва)

**Главный редактор
журнала:**

д-р филос. наук, проф.
Б.А. Навроцкий (ВолгГТУ, Волгоград)

Зам. главного редактора

д-р экон. наук, проф. **В.Н. Казаков**
(МГУ, Москва)

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук,
проф. **В.И. Добрен'ков** (МГУ, Москва)

д-р техн. наук, проф. **В.Н. Азаров**
(ВолгГТУ, Волгоград)

д-р социол. наук, проф. **В.В. Деларю**
(ВолгГМУ, Волгоград)

д-р социол. наук **Г.Н. Ильина**
(МГИМО, Москва)

д-р архит., профессор **Леандро Мадрацо
Агудин** (университет Рамона Ллулла,
Барселона)

д-р архит., проф. **Г.А. Птичникова**
(Волгоградское представительство
НИИТИАГ РААСН)

д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
проф. **Н.Н. Седова** (ВолгГМУ, Волгоград)

доктор философии, председатель фонда
им. Гензельманна (Берлин, Германия)
Т. Флирль

д-р искусствоведения **Оярс Спаритис**
(Латвийская академия наук)

Адрес редакции:

400074, Волгоград, ул. Академическая, 1
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный
технический университет», 2017

Editorial council:

Chairman — Doctor of Engineering Science
I.V. Stefanenko (VSTU, Volgograd)

Deputy Chairman —
Doctor of Economics, Professor **O.V. Maksimchuk**
(VSTU, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor **A.N. Bogomolov**
(VSTU, Volgograd)

Candidate of Architecture, Professor **A.V. Antyufeev**
(VSTU, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor **L.V. Primak**
(The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow)

Chief Editor:

Doctor of Philosophy, Professor
B.A. Navrotskii (VSTU, Volgograd)

Deputy chief editor

Doctor of Economics, Professor **V.N. Kazakov**
(Moscow State University, Moscow)

Editorial team:

Doctor of Philosophy, Professor
V.I. Dobren'kov (Moscow State University, Moscow)

Doctor of Engineering Science, Professor
V.N. Azarov (VSTU, Volgograd)

Doctor of Social Sciences, Professor **V.V. Delaryu**
(Volgograd State Medical University, Volgograd)

Doctor of Social Sciences **G.N. Il'ina** (Moscow State Institute
of International Relations, Moscow)

Doctor of Architecture, Professor **Leandro Madrazo Agudin**
(Ramon Llull University, Barcelona)

Doctor of Architecture, Professor **G.A. Ptichnikova**
(Volgograd branch of The Research Institute of the Theory
and History of Architecture and Town Planning
of the Russian Academy of Architecture
and Construction Sciences)

Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor **N.N. Sedova**
(Volgograd State Medical University, Volgograd)

Historian of Architecture, Specialist in Culture, PhD **T. Flierl**
(Institute of History and Theory of Architecture and Planning)
University Bauhaus, Germany

Doctor habil. Art. **Ojars Sparitis** (Latvian Academy of Sciences)

Address:

Volgograd State Technical University (VSTU).
1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074, Russian Federation,
info@vgasu.ru, www.vgasu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ	<i>Вершинина И. А.</i> Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции ... 5 <i>Данилова А. В.</i> Маршруты повседневных перемещений в досуговых практиках городской молодежи ... 20 <i>Купряшкина Е. А.</i> Подростковые мобильности в городской среде (на примере города Владивостока) ... 30
ТЕХНОСФЕРА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ГОРОД И ЭКОЛОГИЯ	<i>Кузьмичев А. А., Азаров В. Н.</i> Методы создания комфортной визуальной среды города при реконструкции исторических зданий и сооружений ... 44
АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН	<i>Красильникова Э. Э., Гончарик А. А.</i> Актуальные вопросы формирования ландшафтно-градостроительных макросистем (на примере Московской агломерации) ... 53 <i>Птичникова Г. А., Антофеева О. А.</i> Искусство в архитектурном пространстве современного города ... 62
УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ	<i>Навроцкий Б. А., Седова Н. Н.</i> Социология города как научная дисциплина: предметное поле, функциональные связи и методы ... 75
АВТОРАМ	Условия приема статей в редакцию и требования к авторским оригиналам ... 83

CONTENT

MAN IN CONTEMPORARY CITY

Vershinina I. A. Social inequality in modern cities: urban revolution's perspectives ... 5

Danilova A. V. Leisure practices and daily movement routes of young city dwellers ... 20

Kupryashkina E. A. Teenage mobility in urban environment (by the example of Vladivostok) ... 30

TECHNOSPHERE OF MODERN CITY: CITY AND ECOLOGY

Kuz'michev A. A., Azarov V. N. Methods of creation of a comfortable visual environment of a city at the reconstruction of historical buildings and constructions ... 44

ARCHITECTURAL SPACE AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Krasil'nikova E. E., Goncharik A. A. Current issues of formation of landscape and urban planning macro-systems (by the example of Moscow agglomeration) ... 53

Ptichnikova G. A., Antyufeeva O. A. Art in architectural space of a modern city ... 62

MANAGEMENT OF SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS

Navrotskii B. A., Sedova N. N. Urban sociology as scientific discipline: object field, functional connection and methods ... 75

INFORMATION FOR AUTHORS ... 83

Вниманию авторов и читателей!
Подписку на журнал можно оформить в отделениях Почты России по каталогу «Пресса России», подписной индекс **29507**, и электронному каталогу агентства «Книга-Сервис» (www.aks.ru), подписной индекс **E 29507**.
По вопросам приобретения выпусков журнала 2008–2017 гг. обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402 (Online) на сайте ВолгГТУ www.vgasu.ru (<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology>)

УДК 316.334.56

*И. А. Вершинина***СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО
В СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДАХ:
ПЕРСПЕКТИВЫ
УРБАНИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

В статье рассматривается проблема социального неравенства в современном мире. Особое внимание уделяется проявлениям неравенства в городах, в том числе глобальных: сегрегации, «трущобизации» и т. д. Подробно проанализированы идеи Д. Харви о социальной справедливости, праве жителей на свой город и возможности урбанистической революции. Выявляются причины популярности таких социальных движений, как движение «Покори Уолл-стрит». Основной вывод статьи: неолиберальная модель экономического развития должна уступить место иной.

Ключевые слова:

социология города,
урбанистика,
глобальные города,
справедливость,
социальная структура,
сегрегация,
Дэвид Харви,
неолиберальная глобализация.

*I. A. Vershinina***SOCIAL INEQUALITY
IN MODERN CITIES:
URBAN REVOLUTION'S
PERSPECTIVES**

The article deals with the problem of social inequality in the modern world. The global inequality is considered in the introduction. Particular attention is paid to the manifestations of inequality in cities, including global ones: segregation, slum-raising, etc. The ideas of D. Harvey on social justice, the right of the inhabitants to their city and the possibilities of the urban revolution are analyzed in detail in the main part of the article. The reasons for the popularity of "Occupy Wall Street" movement and similar are recounted. Intellectual debate about neoliberal

Введение

Социальное неравенство — одна из наиболее серьезных социальных проблем начала XXI в., масштабы поляризации внутри стран и между странами катастрофически быстро увеличиваются. Эксперты Мирового экономического форума в Давосе еще в 2012 г. назвали неравенство одним из наиболее вероятных глобальных рисков на ближайшие 10 лет и выразили обеспокоенность по поводу последствий его роста [1, р. 19]. Несмотря на то, что угроза очевидна, ситуация в последние годы не только не улучшается, но, наоборот, становится все более тревожной.

Для политиков, экономистов, ученых очевидно, что социальное неравенство — это глобальная социальная проблема, не только тяготящая жизнь членам отдельных обществ в региональном масштабе, но и угрожающая всему мировому сообществу [2, с. 125]. Однако, несмотря на понимание этого факта экспертами, мировая статистика свидетельствует о том, что проблема обостряется с каждым годом. Начиная с 2015 г. 1 % самых богатых людей мира владеет большим состоянием, чем все остальные жители планеты [3, р. 2]. Oxfam International — международная организация, публикующая доклады о неравенстве в начале года перед Мировым экономическим форумом в Давосе. Согласно докладу Oxfam International, опубликованному в январе 2016 г., 62 богатейших человека мира владеют таким же состоянием, что и 3,6 миллиарда беднейших жителей планеты, причем состояние богачей за предыдущие пять лет выросло на 44 %, а бедняки потеряли 41 %, таким образом, пропасть между ними растет [4, р. 1]. В январе 2017 г. Oxfam International представила новый доклад, из которого следует, что восемь людей обладают тем же состоянием, что и беднейшая половина человечества [3, р. 2]. Возникает вопрос: когда состояние одного самого богатого человека мира сравняется с тем, чем владеет беднейшая половина? Судя по динамике, ждать осталось не так долго. Однако осознание проблемы не приближает нас к ее решению.

Цель данной статьи состоит в характеристике особенностей городского неравенства, выяв-

capitalism and its perspectives concludes the article. Основной вывод статьи: неолиберальная модель экономического развития должна уступить место иной.

Key words:

urban sociology,
urban studies,
global cities,
justice,
social structure,
segregation,
David Harvey,
neoliberal globalization.

Об авторе:

Вершинина Инна Альфредовна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии, МГУ имени М. В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1, urbansociology@yandex.ru

Verzhinina Inna Al'fredovna — Candidate of Sociology, Docent, Docent of Modern Sociology Department, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation, urbansociology@yandex.ru

лении его причин и анализе возможных последствий.

Городское неравенство в проблемном поле современной социологии

Бедность и неравенство постепенно превращаются в преимущественно городские явления. Это связано с тем, что доля горожан в мировом населении увеличивается с каждым годом. В 2008 г. впервые доля городских жителей превысила долю сельских, но процесс урбанизации стремительно продолжается: ожидается, что к 2050 г. 70 % населения планеты составят горожане [5]. Однако урбанизация не всегда помогает справиться с бедностью, для многих, наоборот, миграция из сельской местности в город оборачивается переходом от бедности к нищете. Наиболее яркими иллюстрациями данной проблемы являются кварталы трущоб, численность жителей которых постоянно растет. Сегодня примерно четверть горожан — около миллиарда человек — живут в трущобах [6]. Соседство элитных кварталов с неблагополучными районами становится привычным явлением. Богачи стремятся к изоляции на охраняемой территории и всячески пытаются не замечать социальных проблем, наивно полагая, что от них можно отгородиться высоким забором. Сегрегация — распространенное проявление городского неравенства. Однако необходимо понимать, что большое количество различных барьеров в современных городах указывает на неблагоприятное состояние общества, всеобщее недоверие и ожидание угрозы и нападения [7, с. 51]. Причем подобная ситуация характерна не только для развивающихся стран, но и для развитых, где увеличивается доля неформального сектора экономики, а средний класс стремительно сокращается, теряя не только работу, но и жилье. По данным Федеральной резервной системы, в США более 14 млн семей потеряли свои дома с 2006 по 2014 гг. [8], причем больше всего бездомных в США оказалось в Кремниевой (Силиконовой) долине или в непосредственной близости от нее [9].

Глобализация уничтожила многие барьеры и ограничения, позволив транснациональным компаниям заботиться исключительно о собствен-

ной прибыли. Похоже, что мы действительно получили экономическую систему, которая функционирует в интересах всего лишь 1 % мирового населения, о чем уже несколько лет говорят эксперты Oxfam International. Транснациональный капитал путешествует быстро и налегке, но эти его невесомость и подвижность превращаются в главный источник неуверенности всех остальных [10, с. 24]. Неуверенность, неопределенность и отсутствие гарантий становятся главными факторами разделения общества. Г. Стэндинг говорит о формировании нового опасного класса — прекариата, который не имеет постоянной занятости и стабильного заработка, социально не защищен ни государством, ни работодателем, а потому ему хорошо знакомы четыре ощущения: недовольство, anomia (утрата ориентиров), беспокойство и отчуждение [11, с. 41]. Прекариат опасен, так как постоянно видит вокруг приметы материального успеха, но не имеет возможностей для вертикальной мобильности и улучшения своего финансового положения.

Правительства нескольких европейских стран задумались о возможности введения базового основного (или безусловного) дохода — фиксированной суммы, которую следует выплачивать каждому жителю страны вне зависимости от его благосостояния и участия в общественно полезной деятельности [12, с. 22]. Отчасти эта инициатива уже внедрена во Франции, где с 1988 г. любой житель страны (причем не только гражданин, но и легально проживающий в стране не менее пяти лет иностранец), достигший 25-летнего возраста либо имеющий детей, может получить так называемый RMI (*revenue minimum d'insertion*) — ежемесячное пособие в размере 454 евро на человека [13, р. 12]. Однако идея безусловного дохода оценивается неоднозначно. Например, она оказалась неприемлемой для большинства населения Швейцарии. Летом 2016 г. 77 % граждан страны высказались против этой инициативы [14]. В силу данных обстоятельств обсуждение проблемы неравенства и возможных путей ее решения продолжается.

Среди ведущих построений, посвященных исследованию природы социального неравенства в современной социологии, следует выделить концептуализацию социального неравенства в рамках постиндустриального, информационного и посткапиталистического контекстов, теорию современного неравенства в постмодернистском контексте и в конструктивистской перспективе [10, с. 5]. Предлагаются разные способы решения проблемы. В современной литературе наиболее четко сформулированы два основных пути преодоления социальной несправедливости [15, с. 89—90]:

1. Согласно неомарксистской точке зрения несправедливость ведет к тому, что нарастает необходимость революционной критики существующего положения, увеличивается потребность проведения «справедливой» трансформации городского пространства посредством революционных действий.

2. Согласно диалогической, коммуникативной позиции несправедливость нужно преодолевать через серию общегородских обсуждений. Необходимо создавать такие площадки обсуждений, в рамках которых бы примирились и выравнились оформленные позиции социальных агентов.

Однако диалог пока не складывается, поэтому одним из наиболее влиятельных направлений современной социологии становится неомарксизм. Концепция классового общества, феномен эксплуатации, теория исторического развития, капитализм, социализм — эти и другие идеи классической

марксистской теории сохраняют свою актуальность при анализе современных обществ, а также являются основой разработки практически любого политического проекта [16, с. 44]. Один из наиболее ярких представителей современного марксизма — географ Дэвид Харви (David Harvey). Именно его идеи подробно будут рассмотрены ниже. Неравенство и социальная несправедливость — ключевые темы его творчества.

Принцип территориальной справедливости в работах Дэвида Харви

Д. Харви был включен в число 18 самых цитируемых интеллектуалов всех времен в области гуманитарных и общественных наук [17]. Его работы представляют интерес для социологов, экономистов, географов и представителей других наук. Сам Д. Харви называет себя последователем К. Маркса и постоянно обращается к работам представителя французского марксизма А. Лефевра [18, 19]. Главная страница официального сайта Д. Харви начинается с предложения изучить бесплатный курс из 25 лекций, записанных на видео, «Читая “Капитал” К. Маркса с Дэвидом Харви» (*Reading Marx's Capital with David Harvey*) [20]. Поэтому можно с полной уверенностью сказать, что именно К. Маркс является тем мыслителем, который оказал на Д. Харви наибольшее влияние.

Большинство проблем, которые рассматривает представитель современного марксизма, затрагивают различные аспекты функционирования капиталистического общества. Все произведения Д. Харви объединяет общая идея, которая анализируется на протяжении нескольких десятилетий: он пытается понять, как капиталистический способ производства влияет на организацию пространства, и прежде всего городов.

На основе идей К. Маркса и географической теории ученый пытается охарактеризовать взаимосвязь между политикой, капитализмом и социальными проблемами. Д. Харви полагает, что география не может не замечать городскую нищету и социальную несправедливость. Город не может рассматриваться исключительно как пространственное образование, географы, по его мнению, обязаны анализировать социальные аспекты функционирования разных населенных пунктов. Чтобы понять происходящее в городах, необходимо знать основные проблемы городского планирования, жилищного вопроса, занятости, концентрации бедности и т. д. Д. Харви полагает, что центральным вопросом городских исследований должна стать взаимосвязь между социальной справедливостью и пространством.

Концептуальные проблемы городских исследований, по мнению Д. Харви, связаны с академической и профессиональной специализацией, предполагающей изучение отдельных аспектов городских процессов представителями разных наук: «Социологи, экономисты, географы, архитекторы, градостроители и так далее, все возделывают свои одинокие поля и живут в своих собственных ограниченных концептуальных мирах» [21, р. 22]. Город же, по его мнению, может быть рассмотрен только на основе междисциплинарного подхода. Д. Харви же констатирует тот факт, что каждая дисциплина использует город как лабораторию, в которой проверяет свои утверждения и теории, но при этом дисциплины и теории о самом городе нет. Ученый считает, что география должна выйти за рамки существующих подходов к про-

странству и претендует на создание «революционной географии», рассматривающей пространственные процессы в тесной взаимосвязи с социальными.

Уже в работе 1973 г. «Социальная справедливость и город» Д. Харви предлагает свое видение «революционной географии» и рассматривает вопросы, традиционно интересовавшие не столько географов, сколько философов, экономистов и социологов. Любая общая теория города, по его словам, должна связать социальные процессы в городе и пространственные формы, которые города принимают. Бесплезно оспаривать невозможность социальных процессов во внепространственном мире, так же как необходимо признать и глубокое воздействие пространства на социальные процессы.

Социальное поведение во многом определяется географией, пространственной формой, которую принимает город. Одновременно любая пространственная форма должна рассматриваться с учетом развития социальных процессов. Следовательно, единственной адекватной концептуальной основой для понимания города является синтез социологического и географического воображения [21, р. 23]. Концептуализация социальных процессов и пространственных форм позволит построить подлинную теорию города. Д. Харви решается на попытку построения «хрупких мостов для пересечения огромной пропасти существующих проблем» [21, р. 49] и полагает, что подобная попытка вполне может быть успешной. Следовательно, необходимо признать, что пространство должно рассматриваться как многомерное, неоднородное, возможно прерывистое, высокоперсонализированное и имеющее различные значения в зависимости от контекста социальной деятельности. При этом городская система может развиваться по неожиданной траектории, потому что пространственная форма постоянно меняется и может нарушить равновесие в общественных процессах.

«Равновесие» (*equilibrium*) — одно из значимых для Д. Харви понятий, с помощью которого анализируется проблема социального неравенства. Он утверждает, что городская система должна находиться в состоянии равновесия, которое достигается оптимальным распределением ресурсов, в том числе доходов [21, р. 55]. Только в такой ситуации возможно формирование городской структуры, которая соответствовала бы интересам всех жителей, а не отдельных социальных групп. Однако в реальности любая городская система находится в постоянном состоянии дифференциального неравновесия — разные части приближаются к равновесию с разной скоростью [21, р. 56]. Процесс, который вызывает наибольшее беспокойство Д. Харви, — усиление неравенства.

Равновесие находится в тесной взаимосвязи с близостью. Термин «близость» (*proximity*) — другое значимое для Д. Харви понятие, так как оно позволяет, по его мнению, объединить географические и социальные проблемы. Ученый использует его для обозначения несколько иного явления, чем доступность. Близость, по мнению Д. Харви, предполагает наличие социальных последствий географического расположения объектов [21, р. 57]. Жилье может оказаться в непосредственной близости от транспортных путей, источника загрязнения, шума и т. д. Близость определенных объектов налагает значительные расходы на домашнее хозяйство (например, для обеспечения звукоизоляции). Изменение пространственной формы города (путем перемещения жилья, транспортных путей, возможностей трудоустройства, источников за-

грязнения и т. д.) меняет цену доступности различных ресурсов и стоимость их близости для жителей. Географическое положение жилья оказывает серьезное воздействие на качество жизни горожан.

Одним из типичных примеров Д. Харви считает американские города, далекие от состояния равновесия. Стремительная субурбанизация привела к трансформации рынка жилья и изменила расположение рабочих мест [21, р. 61—62]. Пригороды не были рассчитаны на семьи с низкими доходами, поэтому дешевое жилье оказалось сосредоточено в центральных районах города. Трудность расширения предложения в центральной части города ведет к тому, что спрос на жилье плохого качества среди семей с низкими доходами растет, что обеспечивает относительно высокие цены. Это приносит выгоду собственникам, но усиливает неравенство и отдаляет состояние равновесия. Ситуация усугубляется тем, что большая часть новых рабочих мест появляется в пригородной зоне, следовательно, социальные слои с низким уровнем доходов постепенно оказываются вдали от новых источников занятости или вовсе отрезаны от них.

В результате можно наблюдать перераспределение доходов, связанное с пространственными изменениями:

1. Социальные слои преимущественно с низким уровнем дохода концентрируются внутри города и имеют мало возможностей для обретения новых источников занятости, поскольку рабочие места в основном расположены в пригородных районах. В результате наблюдается рост безработицы в городских районах.

2. Из-за отсутствия предложений жилья для семей с низким уровнем доходов в пригородных районах они вынуждены оставаться в центре, где также сталкиваются с ростом цен.

3. Если представители социальных слоев с низким уровнем дохода, живущие в центральных районах, получают работу в пригороде, они сталкиваются с большими затратами на транспорт [21, р. 63—64].

Д. Харви констатирует, что неравновесие в пространственной форме города перерастает в перераспределение доходов. Оказывается, что богатые имеют множество возможностей для получения выгоды, в то время как бедные имеют ограниченные возможности. Таким образом, происходит регрессивное перераспределение доходов в условиях быстро меняющейся городской системы.

Перераспределение доходов, по мнению Д. Харви, определяется изменением следующих факторов [21, р. 86]:

- расположение рабочих мест и жилья;
- значение прав собственности;
- цена ресурсов для потребителя.

Изменение этих факторов оказывает влияние на распределение издержек и выгод для различных районов в городской системе, поскольку меняет параметры доступности ресурсов и близости объектов. Жители, имеющие возможность участвовать в осуществлении политической власти, стремятся контролировать эти скрытые механизмы, регулирующие перераспределение.

Прогнозирование будущего городской системы требует глубокого понимания социальных изменений, к которым приводит трансформация про-

странства. Д. Харви сосредоточил свое внимание на механизмах, регулирующих перераспределение доходов, поскольку предположил, что это является наиболее серьезной проблемой. Налицо движение к состоянию большего неравенства и большей несправедливости, то есть к конфликтам.

Проблема может быть решена путем «осуществления мудрого контроля над социально-пространственной организацией городской системы» [21, р. 95]. Чтобы принимать мудрые политические решения, необходимо понимать механизмы функционирования городской системы. Выработка адекватной политики и прогнозирование последствий принимаемых решений невозможны без междисциплинарного анализа социальных процессов и пространственных форм города.

По мнению Д. Харви, одна из проблем географии заключается в том, что эффективность традиционно предполагает минимальные затраты на передвижения в пределах определенной пространственной системы. Однако подобное понимание эффективности не учитывает возможные последствия перераспределения доходов [21, р. 96]. Сокращение затрат на передвижения, приводящее к усугублению проблемы социального неравенства, вряд ли может рассматриваться как эффективная мера. Д. Харви пытается построить пространственную теорию, основанную на принципах социальной справедливости. Он полагает, что учет последствий принимаемых решений в разных сферах в долгосрочной перспективе приведет к наибольшей выгоде для всех.

Разделение труда может привести к росту его производительности. Но главный вопрос, который волнует Д. Харви в этой ситуации: каким образом плоды этого труда распределяются среди тех, кто принимает участие в процессе производства [21, р. 97]? Для него принцип социальной справедливости — это вопрос распределения выгод и затрат, вытекающих из процесса совместного труда. Принцип территориальной справедливости, по мнению Д. Харви, обеспечивает распределение ресурсов по районам и регионам на основе учета трех критериев: потребности (*need*), вклад в общее благо (*contribution to common good*) и заслуги (*merit*), определяющие значимость выполняемых задач [21, р. 101]. Географическая проблема заключается в разработке формы пространственной организации, которая увеличит возможности наименее благоприятных регионов. Руководствуясь критерием социальной справедливости, необходимо найти способы определения границ территорий и распределения ресурсов, которые обеспечат сбалансированное развитие всех территорий.

Однако капитализм следует иной логике, игнорируя требования социальной справедливости. Д. Харви отмечает, что возникает парадокс: капитал покидает наиболее нуждающиеся в нем районы для обеспечения потребностей относительно благополучных пригородов [21, р. 112]. Это поведение является наиболее рациональным в условиях капитализма, подобное распределение ресурсов рассматривается как оптимальное. Капиталистическая рыночная система устроена таким образом, что противодействует любым попыткам увести вложения из самых прибыльных территорий. Перераспределение капитала с учетом критерия социальной справедливости, по мнению Д. Харви, может быть эффективным только при условии всеобъемлющего государственного контроля [21, р. 113].

Д. Харви, так же как и А. Лефевр, приходит к выводу, что города, которые мы видим, представляют собой пространственное выражение капитализма. За-

дачей современных обществ Д. Харви считает решение проблемы разработки альтернатив рыночному механизму, который позволил бы перераспределять ресурсы в пользу районов и территорий, больше всего в них нуждающихся [21, р. 115]. Для достижения социальной справедливости неравное распределение ресурсов допустимо, если это способствует сбалансированному развитию и повышению вклада в общее для всех территорий благо.

Д. Харви считает, что принцип территориальной социальной справедливости может быть реализован следующим образом:

1. Распределение доходов должно быть таким, чтобы: 1) потребности населения в пределах каждой территории были удовлетворены; 2) ресурсы должны быть распределены таким образом, чтобы максимально увеличить результат взаимодействия территорий; 3) дополнительные ресурсы выделяются территориям с наиболее сложным физическим и социальным окружением, чтобы помочь преодолеть особые трудности.

2. Возможности наименее благополучных территорий должны быть максимально увеличены [21, р. 116—117].

Д. Харви в построении своей теории опирается на работы классиков социологии — К. Маркса, Ф. Энгельса и представителей чикагской школы. При этом он не противопоставляет их, а, наоборот, утверждает, что между аргументами Р. Парка и формулировками К. Маркса существуют интересные параллели [22, р. 87]. Д. Харви рассматривает урбанизм в качестве социальной формы, то есть определенных взаимодействий и взаимоотношений, а город для него представляет собой материальный объект [21, р. 203]. Однако их объединяет то, что они определяются способом производства. Причем город, как правило, является отражением множества черт предыдущего способа производства.

«Урбанизм» — еще один термин, который активно использует Д. Харви. Однако для него урбанизм — это не только особый образ жизни, характерный для городов, как для Л. Вирта [23, р. 4]. Д. Харви рассматривает урбанизм как совокупность общественных отношений, отражающую специфику не только городского образа жизни, но всего комплекса отношений, установленных в данном обществе в целом [21, р. 304].

Урбанизм — социальная форма, определенный образ жизни, который основан, среди прочего, на характерном для него разделении труда, которое в целом соответствует доминирующему способу производства. И город, и урбанизм, с одной стороны, способствуют стабилизации определенного способа производства и помогают создать условия для его воспроизводства, однако, с другой стороны, города также могут быть средоточием накопленных противоречий и, следовательно, скорее всего, местом рождения нового способа производства.

Исторически сложилось, что город был как центром революции против установленного порядка, так и центром власти и привилегий, против которых восставали. Д. Харви соглашается с тезисом К. Маркса и Ф. Энгельса, что противоположность между городом и деревней была стержнем движения и конфликта, вокруг которого развернулась вся экономическая история общества [21, р. 204].

Д. Харви говорит о сходстве своих идей с выводами А. Лефевра как в раннем произведении [21, р. 302], так и в более поздних: лекции 2003 г. и ста-

тье 2008 г. с одинаковым символическим названием «Право на город» [22, р. 83—103; 24], отсылающим нас к одному из главных произведений А. Лефевра по городской проблематике. Французский социолог, с точки зрения Д. Харви, предпринял попытку, опираясь на марксистский метод, описать новую форму урбанизма — «городскую революцию», которая должна прийти на смену промышленному городу.

Промышленное общество рассматривается А. Лефевром как подготовительный этап для новой формы урбанизма. Индустриализация, утверждает французский ученый, порождает урбанизм, после чего, наоборот, воспроизводится с его помощью. Таким образом, индустриальное общество оказывается подчинено городскому, что влечет за собой дальнейшие изменения. По мере распространения урбанизации по всему миру появляется тенденция создания местных своеобразных сред обитания [21, р. 306]. Подобные явления на местном уровне позволяют компенсировать гомогенность, достигнутую в глобальном масштабе.

Д. Харви считает, что собранные им материалы частично поддерживают тезисы А. Лефевра, частично противоречат им. Они оба согласны с тем, что урбанизм частично формируется на основе принципов пространственной организации, но дополняется определенными идеологиями, а следовательно, может формировать определенный образ жизни [21, р. 307]. Пространство одновременно определяет организацию производства и социальные отношения, но и само формируется под их влиянием. Городская структура создается в результате развития производственных отношений, а затем сама влияет на них. Но основой всех изменений, тем не менее, является экономический базис, система материального производства.

Д. Харви считает, что город никогда не был гармоничным местом, для него всегда были характерны беспорядки, конфликты и насилие [22, р. 84]. Однако, по его мнению, ситуация обострилась в условиях глобализации, что бы ни имели в виду под этим термином. «Глобальные» города — центры не только экономической активности, но и неравенства. С. Сассен, автор работы «Глобальный город» [25, р. 361], отмечает те же характеристики мировых финансовых центров [26, р. 7—8], хотя идеи К. Маркса ей не так близки, как Д. Харви. Несмотря на кардинальные различия во многих теоретико-методологических вопросах, Д. Харви и С. Сассен видят схожую картину. Статистические данные не позволяют сделать каких-либо других выводов относительно социальной структуры наиболее влиятельных городов мира. В глобальных городах наиболее ярко проявляется социальная поляризация, существует глубокая пропасть между финансовыми элитами и низкооплачиваемыми сотрудниками в сфере услуг, которые живут не намного лучше, чем маргиналы и безработные. С. Сассен отмечает, что причиной бедности в глобальных городах является не столько безработица и отсутствие работы, сколько низкие заработные платы. Подобная ситуация характерна и для городов нашей страны [27, с. 603]. Учитывая тот факт, что, по мнению Ф. Фукуямы, элитные школы и университеты сейчас предлагают качество образовательных услуг выше, чем когда-либо, при параллельном снижении уровня преподавания во всех остальных [28], можно предположить, что ситуация будет ухудшаться, если граждане не мобилизуются для защиты своих интересов.

Глобальные города выполняют финансовые и командные функции, получая сверхприбыли, однако, по мнению Д. Харви, по-настоящему глобальными являются города, где сосредоточено производство, а не финансовые потоки. Однако эти промышленные города также недополучают своих доходов, как и многие низкооплачиваемые работники сферы услуг в глобальных городах. Очевидно, что Д. Харви считает несправедливым распределение доходов между городами современного мира и между разными социальными группами. Глобальная финансовая элита — единственный выгодоприобретатель в сложившейся ситуации. Как финансовые элиты эксплуатируют (хотя Д. Харви и не употребляет данный термин) все остальные социальные группы в глобальных городах, так и глобальные города «используют» все прочие города в своих интересах.

В этих условиях право на различие, одно из самых ценных прав городских жителей, приобретает деструктивный характер. Различие может привести к нетерпимости и расколу, маргинализации и эксклюзии, которые способны перейти в ожесточенные столкновения [22, р. 86]. Право на различие, реализованное в современных городах, противоречит представлению о социальной справедливости. Отказ от идеи социальной справедливости Д. Харви считает невозможным, по его мнению, возможен лишь переход от одного представления о социальной справедливости к другому. Полное же игнорирование данного принципа, несправедливость, по словам Д. Харви, в истории приводили лишь к одному — социальным изменениям, поскольку идея справедливости — мощное средство мобилизации политических движений [22, р. 91—92]. Он предупреждает, что социальные потрясения вполне возможны в современных городах, где социальная справедливость отсутствует.

Во многих городах бездомные воспринимают борьбу как суть своей повседневной жизни, ощущая несправедливость, в то время как для остальной части общества они являются лишь нарушителями общественного порядка и вызывают к себе соответствующее отношение [22, р. 95]. С точки зрения капиталистической логики в этой ситуации нет никаких изъянов. Но с точки зрения Д. Харви это следствие капитализма, который несправедлив, так же как и свободные рынки. По его словам, функционирование рынка соответствует пословице, согласно которой «нет ничего более неравного, чем равное обращение с неравными» [22, р. 98]. Именно эгалитаризм рынков, предоставляющий равные права людям с неравными возможностями, приводит к тому, что богатые становятся богаче, а бедные беднее. Нерегулируемый свободный рыночный капитализм усиливает классовое разделение, усугубляет социальное неравенство и создает условия, при которых богатые регионы становятся богаче, а остальные все глубже и глубже погружаются в пучину нищеты [22, р. 98—99]. Как следствие, города «геттоизируются», поскольку богатые стремятся отгородиться от всех остальных, только так чувствуя себя в безопасности. Таким образом, капитализм приводит к утрате коллективного права на город, поскольку в нем существуют лишь возможности для реализации индивидуализированных прав накопления капитала финансистами, застройщиками и спекулянтами. В результате мы наблюдаем безработицу, дефицит жилья и прочие социальные проблемы на фоне изобилия. Капиталистический город породил бездомных на улицах и попрошайек в метро. Несоблюдение

принципа социальной справедливости привело к тому, что голод возможен при наличии излишков продовольствия, а чистая вода доступна лишь для тех, кто может за нее заплатить.

Принять подобную логику развития — значит согласиться с тем, что у нас нет никакой альтернативы, кроме как жить в условиях режима бесконечного накопления капитала и экономического роста, вне зависимости от того, какие это вызывает социальные, экологические или политические последствия. Д. Харви полагает, что ситуацию можно изменить, поскольку существует движение за глобальную справедливость, которое понимает суть проблемы и пытается найти жизнеспособные альтернативы [22, р. 101]. Города должны быть освобождены от неравенства, отчуждения и несправедливости.

Право на город — это право на преобразование города в соответствии с потребностями его жителей: «Это не просто условное право доступа к тому, что уже существует; это активное право на то, чтобы сделать город иным, формировать его в соответствии с нашими коллективными потребностями и желаниями, изменить нашу повседневную жизнь, наши архитектурные практики, а также найти альтернативный способ просто быть человеком» [22, р. 102]. Право на город — лозунг и политический идеал, оно стоит того, чтобы за него бороться. И городские социальные движения могут заявить и отстаивать свое право на город, базирующееся на идее социальной справедливости, альтернативная версия городского процесса может быть реализована. По крайней мере, Д. Харви в это верит. И соглашается с А. Лефевром в том, что революция должна быть городской, в самом широком смысле этого слова [24, р. 40].

Д. Харви красиво обыгрывает название двух произведений А. Лефевра в подзаголовке к своей работе 2012 г.: «Бунтующие города: от права на город к урбанистической революции», тем самым еще раз подчеркивая преемственность идей [29]. По словам Д. Харви, революция началась. Современный этап революционной борьбы он связывает с движением «Покори Уолл-стрит» («Occupy Wall Street»), которое называет Немезидой неолиберального капитализма. Начавшись в Нью-Йорке, оно распространилось на бесчисленные города США, превратилось в уличный бунт в Лондоне, а затем охватило весь мир от Каира до Мадрида и Сантьяго [29, р. 116—117]. Это бунт против неолиберального капитализма, приносящего выгоду исключительно финансовым элитам. Популярность движения по всему миру свидетельствует о том, что приближается эпоха перемен. Д. Харви считает, что, несмотря на противодействие властей, новая революция во имя равенства и социальной справедливости близка: «Мы знаем, что время пришло. Система не только сломана и разоблачена, но и не в состоянии дать какой-либо ответ, кроме репрессий. Так что мы, люди, не имеем иного выбора, кроме как бороться за коллективное право решать, как должна быть реконструирована система, какой образ она примет. Время “партии Уолл-стрит” прошло, она с треском провалилась. Создание альтернативы на ее руинах является как возможностью, так и неизбежным обязательством, которых никто из нас не может и не захочет избежать» [29, р. 164].

Заключение

Д. Харви утверждает: «Наша задача состоит в том, чтобы понять мир и, как сказал Маркс, изменить его. Но если ни один социальный порядок не спо-

собен производить изменения, которые не содержались бы в нем самом в скрытом виде, и если у нас нет другой истории и географии, кроме той, что у нас имеется, то задача критического изучения исторической географии неолиберализма и последующего поворота к неоконсерватизму состоит в нахождении в настоящем альтернативных вариантов будущего» [30, с. 51]. Он с оптимизмом смотрит в будущее. Города не могут окончательно стать собственностью тех, у кого больше денег и кто может купить городское пространство. Д. Харви не верит, что финансовые элиты смогут сохранить порядок, выгодный только для них. На смену неолиберальному капитализму придет неоконсерватизм, предлагающий принципиально иной набор ценностей: открытая демократия, которая приведет к социальному равенству, сопровождаемому экономической, политической и культурной справедливостью [31, р. 68].

Таким образом, на повестке дня марксистов в начале XXI в. стоят практически те же вопросы, что и более 100 лет назад [32, с. 73]. Многие достижения XX в. были утрачены в нынешнем столетии. Корпорации приобретают все новые права, а граждане, наоборот, их теряют. Повсеместная джентрификация разрушает городские сообщества, поднимая цены на недвижимость. Эксперты ООН высказывают свою озабоченность относительно того, что о праве на жилище забывают, поскольку финансовые рынки и спекулянты превратили жилье в удобный актив для капиталовложений: «Жилье утратило свою ценность как право человека. Его рассматривают как товар, а не как человеческое жилище. Оно стало для инвесторов средством накопления богатства, а не достойным местом для создания семьи и фактором процветания в обществе» [33]. Глобальный рынок жилья оценивается сегодня в 163 трлн долларов США, что более чем вдвое превышает объем мировой экономики, однако в мире слишком мало достойного жилья, и миллионам людей приходится ютиться в трущобах или импровизированных постройках [33].

Четвертая промышленная революция, о которой заговорили в 2016 г., обеспечивает технический прогресс, но одновременно создает проблемы в сфере труда, усугубляя неравенство [34, с. 22—23]. Поэтому не только Д. Харви и сторонников неомарксизма, но и многих других авторов волнует вопрос о том, смогут ли жители вернуть себе право на город. Однако не только Д. Харви надеется на изменения к лучшему. Информационные технологии трансформируют пространство и время, что вселяет, например, в Дж. Рифкина надежду: возможность владения постепенно сдает позиции, вытесняемая правом доступа [35, с. 87], — одним из главных прав городских жителей. В скорое появление альтернативы верит и Ф. Фукуяма, считая, что средний класс, стремительно утрачивая завоевания XX в., должен предложить альтернативный путь развития [28] и вернуть гражданам их права.

Похоже, что урбанистическая революция, первые признаки которой А. Лефевр увидел в событиях мая 1968 г., все-таки неизбежна. Открытыми пока остаются многие вопросы: когда она начнется, в какой форме будет проходить, каковы будут ее последствия и так далее. Не только Д. Харви, но и Ф. Фукуяма предполагают, что популярность движения «Покори Уолл-стрит» и ему подобных будет расти. Сегодня существуют разные прогнозы, однако будущее пока открыто. Выбор между несколькими альтернативами пока не сделан. Очевидным и бесспорным является лишь один факт: неолиберальная модель экономического развития должна уступить место иной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Global Risks 2012. Seventh Edition: An Initiative of the Risk Response Network. World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalRisks_Report_2012.pdf
2. *Осипова Н. Г.* Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 2. С. 119—141.
3. An Economy for the 1 %. Oxfam Briefing Paper. January 2017. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp-economy-for-99-percent-160117-en.pdf. DOI: 10.21201/2017.8616.
4. An Economy for the 1 %. 210 Oxfam Briefing Paper. 18 January 2016. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf
5. В Эквадоре на Конференции ООН принята новая повестка дня в области урбанизации. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=26835#.WMv1j7gSfIV>
6. В XXI веке примерно четверть горожан проживают в трущобах. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=26724#.WMv1v7gSfIU>
7. *Птичкова Г. А.* «Несправедливый город»: городское пространство как отражение общественных отношений // Социология города. 2012. № 3. С. 47—54.
8. *Sassen S.* Who owns our cities – and why this urban takeover should concern us all. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2015/nov/24/who-owns-our-cities-and-why-this-urban-takeover-should-concern-us-all>
9. *Dharssi A.* Cities are places where the powerless can shape history: the Right to the City in the 21st Century // The Global Urbanist. URL: <http://globalurbanist.com/2014/12/03/saskia-sassen-right-to-the-city>
10. *Полякова Н. Л.* Социальное неравенство в социологических теориях второй половины XX в. Оформление конструктивистской перспективы // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2015. № 1. С. 5—28.
11. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014. 328 с.
12. *Иноземцев В. Л.* О безусловном доходе // Неприкосновенный запас. 2016. № 2(106). С. 22—32.
13. *Legros M.* Minimum Income Schemes: From One Crisis to Another, the French Experience of Means-Tested Benefits. Brussels: European Commission, 2009. 62 p.
14. *Петров И.* Безусловный доход в Швейцарии без шансов! URL: http://www.swissinfo.ch/rus/politics/референдум-5-июня-2016-года_безусловного-дохода-в-швейцарии-не-будет-/42204568
15. *Карчагин Е. В.* Справедливость в городе: контуры концепции городской справедливости // Социология города. 2016. № 1. С. 84—92.
16. *Добринская Д. Е.* «Реальные утопии» в социологической теории Э. О. Райта // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 44—59.
17. Most cited authors of books in the humanities, 2007. Data provided by Thomson Reuters' ISI Web of Science, 2007. URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/most-cited-authors-of-books-in-the-humanities-2007/405956.article>
18. *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e édition. Paris: Economica-Anthropos, 2015. 142 p.
19. *Lefebvre H.* La production de l'espace. 4e édition. Paris: Anthropos, 2000. 492 p.
20. David Harvey. URL: <http://davidharvey.org>
21. *Harvey D.* Social Justice and the City: Revised Edition. Athens, London: The University of Georgia Press, 2009. 360 p.
22. *Harvey D.* The Right to the City in Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003 / ed. by R. Scholar. Oxford: Oxford University Press, 2006. Pp. 83—103.
23. *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life // The American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. No. 1. Pp. 1—24.
24. *Harvey D.* The Right to the City // New Left Review. No. 53. September-October 2008. Pp. 23—40.
25. *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001. 452 p.
26. *Sassen S.* Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. Cambridge: Harvard University Press, Belknap, 2014. 304 p.

27. Волкова Л. В. Представления российской молодежи о социальной несправедливости // Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными. М.: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2016. С. 602—605.
28. Fukuyama F. The Future of History. Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? // Foreign Affairs. 2012. Vol. 91. No. 1. URL:: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2012-01-01/future-history>
29. Harvey D. Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution. London, New York: Verso, 2012. 192 p.
30. Харви Д. Неолиберализм и реставрация классово́й власти // Прогнозис. 2006. № 2 (6). С. 8—56.
31. Harvey D. Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development. London, New York: Verso, 2006. 154 p.
32. Добринская Д. Е. Современные направления в марксизме: аналитический марксизм // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 61—74.
33. Эксперт ООН: жилье превратилось в товар. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=27555#.WMv1brgSfIV>
34. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017. 208 с.
35. Артемова Т. С. Понятие «доступ» в социологической теории Дж. Рифкина // Социология. 2012. № 3. С. 84—96.

REFERENCES

1. *Global Risks 2012*. Seventh Edition: An Initiative of the Risk Response Network. World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalRisks_Report_2012.pdf
2. Osipova N. G. [Inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional specificity and dynamics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2014, no 2, pp. 119—141.
3. *An Economy for the 1%*. Oxfam Briefing Paper. January 2017. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp-economy-for-99-percent-160117-en.pdf. DOI: 10.21201/2017.8616.
4. *An Economy for the 1 %*. 210 Oxfam Briefing Paper. 18 January 2016. URL: https://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/file_attachments/bp210-economy-one-percent-tax-havens-180116-en_0.pdf
5. *V Ekvadore na Konferentsii OON prinyata novaya povestka dnya v oblasti urbanizatsii* [The new agenda in the sphere of urbanization is adopted at the UN Conference in Ecuador]. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=26835#.WMv1j7gSfIV>
6. *V XXI veke primerno chetvert' gorozhan prozhivayut v trushchobakh* [About a quarter of citizens live in slums in the XXI century]. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=26724#.WMv1v7gSfIU>
7. Ptichnikova G. A. [“Unfair city”: urban space as a reflection of public relations]. *Sotsiologiya goroda* [Sociology of City], 2012, no. 3, pp. 47—54.
8. Sassen S. Who owns our cities – and why this urban takeover should concern us all. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2015/nov/24/who-owns-our-cities-and-why-this-urban-takeover-should-concern-us-all>
9. Dharssi A. Cities are places where the powerless can shape history: the Right to the City in the 21st Century. *The Global Urbanist*. URL: <http://globalurbanist.com/2014/12/03/saskia-sassen-right-to-the-city>
10. Polyakova N. L. [Sociological theories of social inequality in the second part of 20th century. Constructivist perspective]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2015, no. 1, pp. 5—28.
11. Standing G. *Prekariat: novyi opasnyi klass* [Precariat: a new dangerous class]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2014. 328 p.
12. Inozemtsev V. L. [About unconditional income]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency reserve], 2016, no. 2(106), pp. 22 — 32.
13. Legros M. Minimum Income Schemes: From One Crisis to Another, the French Experience of Means-Tested Benefits. Brussels: European Commission, 2009. 62 p.

14. Petrov I. *Bezuslovnyi dokhod v Shveitsarii bez shansov!* [No chances of unconditional income in Switzerland!]. URL: http://www.swissinfo.ch/rus/politics/referendum-5-June-2016_there_will_be_no-unconditional-income-in-Switzerland-/42204568
15. Karchagin E. V. [Justice in the city: contours of conception of urban justice]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 1, pp. 84—92.
16. Dobrinskaya D. E. [“Real Utopia” in sociological theory E.O. Wright]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2014, no. 4, pp. 44—59.
17. Most cited authors of books in the humanities, 2007. Data provided by Thomson Reuters’ ISI Web of Science, 2007. URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/most-cited-authors-of-books-in-the-humanities-2007/405956.article>
18. Lefebvre H. *Le droit à la ville*. 3e édition. Paris, Economica-Anthropos, 2015. 142 p.
19. Lefebvre H. *La production de l’espace*. 4e édition. Paris, Anthropos, 2000. 492 p.
20. David Harvey. URL: <http://davidharvey.org>
21. Harvey D. *Social Justice and the City: Revised Edition*. Athens, London, The University of Georgia Press, 2009. 360 p.
22. Harvey D. *The Right to the City in Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003*. Oxford, Oxford University Press, 2006. Pp. 83—103.
23. Wirth L. Urbanism as a Way of Life. *The American Journal of Sociology*, 1938, 44(1), pp. 1—24.
24. Harvey D. *The Right to the City*. *New Left Review*, no. 53. September-October 2008.. Pp. 23—40.
25. Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton, Oxford, Princeton University Press, 2001. 452 p.
26. Sassen S. *Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy*. Cambridge, Harvard University Press, Belknap, 2014. 304 p.
27. Volkova L. V. [How the Russian youth see social injustice]. *Zhizn' issledovaniya posle issledovaniya: kak sdelat' rezul'taty ponyatnymi i poleznymi* [Life of the research after the research: how to make the results clear and useful]. Moscow, All-Russian Public Opinion Research Center, 2016, pp. 602—605.
28. Fukuyama F. The Future of History. Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class?. *Foreign Affairs*, 2012, 91(1). URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2012-01-01/future-history>
29. Harvey D. *Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution*. London, New York, Verso, 2012. 192 p.
30. Harvey D. Neoliberalism and restoration of the class power. *Prognosis*, 2006, no. 2 (6), pp. 8—56.
31. Harvey D. *Spaces of Global Capitalism: Towards a Theory of Uneven Geographical Development*. London, New York, Verso Publ., 2006. 154 p.
32. Dobrinskaya D. E. [New approaches to Marxist theory: Analytical Marxism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2015, no. 2, pp. 61—74.
33. *Ekspert OON: zhil'e prevratilos' v tovar* [The UN expert: dwelling has become goods]. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=27555#.WMv1brgSfIV>
34. Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution]. Moscow, “E” Publishing House, 2017. 208 p.
35. Artemova T. S. [The concept of “access” in J. Rifkin’s sociological theory]. *Sotsiologiya* [Sociology], 2012, no. 3, pp. 84—96.

© Вершинина И. А., 2017

Поступила в редакцию
в апреле 2017 г.

Received in April, 2017

Ссылка для цитирования: Вершинина И. А. Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции // Социология города. 2017. № 2. С. 5—19.

For citation: Vershinina I. A. [Social inequality in modern cities: urban revolution’s perspectives]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2017, no. 2, pp. 5—19.

А. В. Данилова

МАРШРУТЫ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ В ДОСУГОВЫХ ПРАКТИКАХ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Городская среда и городской образ жизни рассматриваются как факторы, определяющие увеличение интенсивности повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи. В рамках статьи проанализированы досуговые маршруты повседневных перемещений молодежи в городском пространстве с точки зрения того, как связаны направления перемещений и социальные обязательства, ради которых они осуществляются. Изменяющаяся роль повседневных перемещений в современном обществе связывается автором с тем, что повседневные перемещения становятся необходимыми для исполнения статусно-ролевых обязательств. На основе эмпирических данных выделяются маршруты повседневных перемещений, ориентированные на воспроизводство дружеских и семейно-родственных отношений, а также на воспроизводство определенного образа жизни. Первые включают в себя смысловые точки, расположенные в центре города, остальные осуществляются между и внутри периферийных районов.

Ключевые слова:
маршруты повседневных перемещений, досуговые практики, социальные отношения, городская молодежь, городское пространство.

A. V. Danilova

LEISURE PRACTICES AND DAILY MOVEMENT ROUTES OF YOUNG CITY DWELLERS

City environment and city lifestyle raise the intensity of daily movements. Spheres of life are disposed in the city space: some places are used for working and

Введение

Исторически жизненный мир человека был пространственно локализован в значительно большей степени, чем сейчас. Первоначально место проживания и труда совпадали, вследствие чего разнообразные и интенсивные перемещения были сопряжены с установлением новых социальных контактов и, как следствие, с разрушением прежних социальных отношений.

При переходе к индустриальному и постиндустриальному обществу в связи с процессами урбанизации и развития телекоммуникационных технологий пространственные границы жизненного мира человека значительно расширяются. В современном обществе для выполнения социальных обязательств, установленных статусно-ролевым набором личности, индивидам необходима реализация определенных перемещений.

За последние десятилетия увеличились расстояния, которые индивиды преодолевают в границах своей суточной активности. Повседневная жизнь горожанина не может быть сосредоточена в пределах места проживания.

В современном обществе повседневные перемещения являются распространенным феноменом, свойственным большинству социальных субъектов и проникающим во все сферы их жизнедеятельности. Тот факт, что современные городские жители готовы тратить значительное время на поездки на работу, может быть объяснен с позиций теории рационального выбора. Вместе с тем затратные в различных аспектах (временных, финансовых и т. п.) повседневные перемещения характерны и для сферы досуга, в которой человек более свободен в своем выборе. Маршруты перемещений в досуговых практиках не всегда поддаются рациональным объяснениям, однако очевидно отличаются по направлениям перемещений и субъектам взаимодействия.

Мы предполагаем, что повседневные перемещения оказываются необходимыми для выполнения социальных обязательств, продиктованных статусно-ролевым набором личности.

Исследование повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи в значительной

others for leisure. That is why a person should move to change social role. Today's status-role performances of behavior patterns unavoidably include daily movements. It is especially important for young people. The main characteristic of young city dwellers as a social group is the participation in the identity finding in social structure. They try new social roles and explore the city space.

This article is devoted to the changing role of everyday movements in the system of reproduction of social relations in leisure practices of young city dwellers.

The empirical base of the article consists of survey, semi-structured interview and secondary data analysis. Obtained research results allow defining three types of daily movement routes in leisure practices of young city dwellers. These routes differ in role expectations and movement directions in the city space. First routes maintain friendship and take place in the central part of the city. Second ones reproduce family relationships and are connected with peripheral urban areas. Third routes recreate behavior patterns of a certain way of life within the residential area.

Key words:

daily movement routes,
leisure practices,
social relations,
young city dwellers,
city space.

Об авторе:

Данилова Анна Владимировна – аспирант кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19, anutadaniлова@ya.ru

Daniлова Anna Vladimirovna – Postgraduate Student of Applied Sociology Department, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. 19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation, anutadaniлова@ya.ru

степени основывается на идее того, что молодежь является наиболее мобильной социальной группой. Молодой возраст — это время для приобретения профессии и вступления в профессиональную деятельность, начало самостоятельной жизни и создания собственной семьи. Молодые люди «мобильны», поскольку активно осваивают различные сферы общественной жизни, включаются в традиционные и участвуют в новых досуговых практиках. Взросление и приобретение самостоятельности сопровождается включением в социальные общности и расширением социальных обязательств. Выбор организации высшего образования или места работы, как правило, в меньшей степени привязан к месту проживания, чем выбор общеобразовательной организации. В результате появляется необходимость в освоении общественных пространств со свойственными им нормами поведения (как например, пространство университета или офиса) и новых городских районов, а также маршрутов передвижений в городском пространстве. Как отмечает А. В. Стрельникова со ссылкой на П. А. Сорокина, «застывание» жизненной траектории на какой-то определенной социальной позиции влечет за собой и снижение или полную утрату потребностей в географической мобильности» [1]. Так, например, в отличие от студента или взрослого, жизнь школьника пространственно сконцентрирована вокруг единственного маршрута между домом и школой [2]. Жизненные траектории городских молодых людей, в том числе студентов, сложно назвать «застывшими». По данным исследований ГАУ г. Москвы «Московский институт социально-культурных программ», студенты являются самыми активными потребителями городского пространства [3].

В рамках статьи мы стремимся проанализировать досуговые маршруты повседневных перемещений молодежи в городском пространстве с точки зрения того, как связаны направления перемещений и социальные обязательства, ради которых они осуществляются.

***Городская среда как фактор повседневных перемещений
в досуговых практиках молодежи***

Анализ внешних факторов, определяющих маршруты повседневных перемещений в досуговых практиках городской молодежи, предполагает рассмотрение инфраструктуры городской среды.

Традиция исследования повседневных перемещений в городском социальном пространстве, хотя и не является мейнстримом социологической мысли, была заложена еще в начале XX в. в рамках чикагской социологической школы. Э. Берджес в статье «Рост города. Введение в исследовательский проект», рассматривая перемещения различного рода и ставя в один ряд «переезд с одного места жительства на другое, изменение рода занятий, текучесть рабочей силы, движение на работу и с работы, движение ради отдыха и приключений» [4, с. 65], подчеркивает наличие различных видов движения населения, характерных для городской жизни, а также важность изучения внутригородского движения населения. Другими словами, перемещения ради отдыха и приключений являются неотъемлемой частью городского образа жизни.

Еще одна особенность городского образа жизни — это психологические условия, которые создаются в результате «уличной сутолоки, быстрого темпа и многообразия хозяйственной, профессиональной и общественной жизни» [5, с. 24]. В качестве приспособления к таким условиям жизни возникает специфически городской тип личности, для которого свойственно «бесчувственное равнодушие» по отношению к «чужим» и незнакомцам. В повседневной жизни складывается преобладание функционально-ролевых отношений между людьми на фоне большого числа контактов с незнакомцами. Мир города — анонимный, ему свойственны высокие риски и страхи. Встречи с друзьями и близкими становятся более редким явлением для жителя крупного города, а тем более областного центра, ситуация усугубляется, когда молодой человек входит в новые для себя социальные и профессиональные общности: студенческая группа в вузе, коллектив на рабочем месте. Потребности в снятии стрессов усиливаются, сохраняются и потребности в эмоциональной близости, доверии и поддержке, что придает особую ценность семейным и дружеским отношениям. Городская среда становится фактором, негативно сказывающимся на эмоциональном и психологическом состоянии личности, а тем более молодого человека, защитные механизмы которого сформированы не в полной мере. Возникает противоречие между наличием потребности в общении и отсутствием возможностей для эмоционально насыщенного взаимодействия. Время досуга для городского жителя — единственная возможность для встреч с близкими и друзьями, которые способствуют восстановлению психологического комфорта.

Другая особенность пространства большого города в сравнении с пространством малого города или сельских территорий связана с более развитой досуговой инфраструктурой и системой средств повседневных перемещений. Индустрия развлечений в крупных городах приобретает все большие масштабы, поскольку является важным компонентом капиталистических обществ, обществ потребления. Причастность к определенным досуговым практикам становится одним из показателей уровня и качества жизни в целом [6], показателем принадлежности к определенным социальным группам, вы-

полняя те же функции, что и престижное потребление других материальных благ (брендовой одежды, деликатесных продуктов питания, престижных марок автомобилей). Этот фактор не может не оказывать влияние на деятельность и предпочтения молодых людей, поскольку именно молодежь находится в поисках собственной социальной идентичности, в том числе и статусной. Как отмечает Е. В. Грунт, мода оказывает особенное влияние на молодежь, в том числе и в выборе мест досуга [7]. Модный молодежный досуг включает в себя потребление услуг в сфере досуга, ориентированное «на уровень жизни и стандарты потребления материально обеспеченных групп» [8, с. 231]. Происходит это вследствие того, что молодые люди уделяют значительное внимание внешним атрибутам социально-статусной принадлежности, в том числе способам повседневных перемещений (собственный автомобиль, такси) и престижным досуговым практикам. мода становится ценностью, определяющей жизнедеятельность индивида. В результате возникает парадоксальная ситуация, при которой модные виды перемещений (например, перелет в салоне самолета бизнес-классом) и гедонистически ориентированный досуг, связанный с высоким уровнем потребления, становятся целью жизнедеятельности молодежи — социальной группы, не обладающей действительными ресурсами для его воплощения.

Следует отметить, что городская среда способствует повышению пространственных перемещений во время досуга, поскольку, с одной стороны, во время досуга молодой человек удовлетворяет свои потребности во взаимодействии с родственниками и друзьями, а с другой стороны, реализует социальные практики, необходимые для его самоопределения, идентификации в качестве представителя определенной социальной группы.

***Опыт эмпирического исследования:
досуговые маршруты повседневных перемещений в городском пространстве***

Материалы опроса¹ показали, что только треть респондентов (31 %) чаще всего проводят свободное время дома. Внедомашние практики досуга являются более предпочтительными для молодых людей, чем домашние. По словам одного из информантов, «главное не сидеть дома. Дома скучно. Стараясь сам “выгуливать” друзей, чтобы они тоже не сидели дома» (М., 23, специалист). Это подтверждается и ответами на вопрос о предпочитаемых, желаемых досуговых практиках. Так, например, во время досуга встречаться с друзьями и знакомыми выразили желание 44 % респондентов, с семьей и

---

¹ Анкетный опрос был проведен автором с ноября 2016 г. по январь 2017 г. В качестве объекта исследования выступали молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет включительно, не состоящие в браке, не имеющие детей, проживающие в муниципальном образовании город Екатеринбург, являющиеся студентами вузов или работающие и имеющие высшее образование (целевой многоступенчатый отбор, общее количество респондентов 600 человек, в том числе 300 студентов и 300 работающих молодых людей). Мы также провели полуструктурированные интервью со студентами и молодыми специалистами, реализующими различные маршруты повседневных перемещений в досуговых практиках (10 интервью со студентами и 10 интервью с молодыми специалистами).

близкими — 43 %, а слушать музыку и общаться в Интернете только 17 и 10 % респондентов соответственно. Кроме того, опираясь на частотные распределения реализуемых досуговых практик в зависимости от недельного цикла, можно утверждать следующее: как только возрастает время, предназначенное для досуга, увеличивается и число респондентов, обращающихся к внедомашним практикам. Именно наличие подобных практик определяет удовлетворенность молодых людей досугом. Молодежь, практикующая досуг вне дома, больше удовлетворена его проведением, чем «домашние» респонденты (78 и 22 % соответственно). Представляется, что происходит это вследствие того, что активный внедомашний досуг является частью представлений о желаемом образе жизни.

С кем предпочитает проводить свой досуг молодежь крупного города (табл.)?

Предпочтения респондентов относительно партнеров внедомашних досуговых практик*

Досуговые практики	Партнеры в досуговых практиках, %		
	Друзья	Родственники	В одиночестве
Гуляю пешком по улице, в парке и т. д.	70,2	36,3	62,4
Гуляю в торгово-развлекательном центре	57,1	55,2	51,0
Катаюсь на мотоцикле, автомобиле и т. д.	62,4	38,7	46,2
Катаюсь на велосипеде, самокате и т. д.	54,0	16,0	68,0
Езжу на дачу, в сад	19,1	97,2	5,1
Отдыхаю на природе, езжу на охоту, рыбалку	46,6	77,0	10,1
Занимаюсь спортом, активно отдыхаю на улице	61,6	20,5	60,9
Занимаюсь спортом, активно отдыхаю в специальных учреждениях (фитнес-клубах и т. д.)	47,2	3,5	81,9
Хожу в гости	71,9	65,3	24,9
Хожу в кино	89,5	26,7	29,8
Хожу в театр, музей, на выставку, концерт	77,0	35,3	34,3
Хожу в клубы, кафе, рестораны, антикафе и т. д.	92,6	24,6	20,9
Хожу играть в квесты	87,3	9,5	9,5
Хожу на процедуры, связанные с красотой (маникюр, парикмахер и т. д.)	10	6,0	94,9

*Сумма ответов по строке превышает 100, т. к. респондент мог выбрать любое число ответов.

Время своего досуга молодые люди предпочитают проводить с друзьями, а не с родственниками. Это объясняется возрастными особенностями данной социальной группы. Молодежь стремится получить независимость и попробовать себя в новых социальных ролях, избавляясь на некоторое время от роли ребенка или подростка, находящегося преимущественно в сопровождении и под контролем взрослого.

Вместе с тем внедомашние досуговые практики, распространенные среди молодежи, отличаются по субъектам взаимодействия: одни

ориентированы на взаимодействие с друзьями, другие — с родственниками. Так, например, в клубы, кафе, рестораны, антикафе и т. д. респонденты чаще ходят с друзьями. К таким «смысловым точкам», которые служат для поддержания дружеских отношений, также относятся театры, музеи, выставки, концерты, кино, парки, аллеи, улицы: *«Мы с подругой очень любим вечерние прогулки в парке. Такие встречи позволяют одновременно отдохнуть от повседневных дел и посекретничать, конечно, о сокровенном»* (Ж., 20, студентка). С родственниками молодые люди ездят на дачу, в сад, а также отдыхать на природе. Существуют нейтральные смысловые точки: прогулки в торгово-развлекательных центрах, походы в гости, которые совершаются как с друзьями, так и с родственниками. Отсюда физические перемещения молодежи совершает с целью воспроизводства как родственных, так и дружеских взаимодействий. При этом важное значение имеет инфраструктура городской среды, позволяющая проводить досуг в организованных парковых зонах, торговых центрах, культурно-досуговых учреждениях.

Во внедомашнем досуге подавляющее большинство молодых людей предпочитают проводить свободное время в центре города (68 %). Только каждый пятый (22 %) обычно проводит свое свободное время в районе своего проживания и каждый десятый (8 %) — в других нецентральных районах.

Встречи с друзьями (по предварительной договоренности) чаще всего назначаются в центре города (78 %). Посещение учреждений культуры (музеи, театры, галереи, библиотеки — 82 %), кафе и ресторанов (85 %) осуществляется также в центральной части города. При этом даже «походы в кино» — это выход/выезд в центр, а не перемещение в районе своего проживания, только каждый десятый респондент «ходит в кино по месту жительства». Таким образом, центр города представляет собой зону притяжения досуговых маршрутов, их ключевую смысловую точку.

Причины этого связаны, во-первых, с тем, что досуговая инфраструктура центрального городского района более насыщена и разнообразна. Примечательно, что схожие данные о центре города как приоритетном пространстве внедомашнего досуга обнаруживаются в исследованиях ГАУ г. Москвы «МИСКП» [3]. В рамках исследования «Археология периферии» социологи приходят к выводу, что жители нецентральных районов в центре города осуществляют культурное потребление и потребление развлечений [9].

Во-вторых, ориентированность досуговых маршрутов на центр города объясняется тем, что сообщение в направлении центр — периферия в транспортной инфраструктуре муниципального образования город Екатеринбург выстроено лучше, чем между нецентральными районами. В связи с этим центр города становится удобным местом встречи для людей, проживающих в разных районах: *«Потому что легче встретиться на нейтральной территории и там гулять»* (Ж., 22, студентка).

В-третьих, приверженность молодых людей досуговому практикам, реализуемым в центре города, обусловлена стремлением к самоопределению через принадлежность к высокостатусным социальным группам. Последняя из обозначенных причин представляется не последней по значимости. П. Бурдые одним из первых утверждает, что социальное пространство находит выражение в пространстве физическом. Структура социального про-

странства, основанная на неравном распределении различных видов капитала и возможности доступа индивидуальных агентов и групп к благам и услугам [10, с. 54], отражается в организации физического пространства: существуют пространства, «насыщенные» благами, и пространства, «лишенные» благ (как например, столица и провинция, центр и периферия). Локализация в определенной точке физического пространства сказывается на представлении социальных агентов об их позиции в социальном пространстве. В результате этого различные места в городском пространстве характеризуются определенными устойчивыми представлениями о них [11, с. 24].

Психологический атлас муниципального образования город Екатеринбург, составленный специалистами АНО ВО «Гуманитарный университет», определяет центр города как «город богатых», «город снобов», «город удовольствий» [12]. Повседневные перемещения, по утверждению О. Енсена [13], могут быть проанализированы с точки зрения драматургического подхода И. Гофмана [14], как акты конструирования идентичности. Таким образом, проведение времени досуга в центральной части города сопряжено с процессами самоопределения молодых людей: происходит конструирование идентичности через принадлежность к «престижным» пространствам.

Периферийные городские районы включаются в досуговые маршруты прежде всего в связи со встречами с семьей и родственниками. Как правило, такие встречи являются домашними и реализуются в пределах района проживания (54 %), значительно реже в центре города (25 %) или нецентральных районах (20 %). Ради встреч с родственниками молодые люди готовы на определенные неудобства для себя, именно поэтому выбираются не нейтральные с точки зрения доступности городские пространства, а комфортные для второй стороны (родственников): *«Мы живем в разных концах города, и наше свободное время часто не совпадает, поэтому совместное времяпрепровождения сводится к редким визитам в гости»* (Ж., 24, студентка).

Другая причина, по которой нецентральные районы включаются в досуговые маршруты молодых людей, связана с такими практиками, реализация которых не предполагает компании. Молодые люди стараются находить площадки для занятий спортом (уличные спортивные площадки, фитнес-центры, спортзалы, бассейны — 53 %) и места оказания услуг (салоны красоты, парикмахерские и т. д. — 58 %) в районе своего проживания или близлежащих районах.

Приверженность внедомашним досуговым практикам во многом определяется возможностями физического перемещения респондента: обладает ли он личным транспортом? каким именно? есть ли у него знакомые и родственники, которые могут подвезти? в каком районе города он проживает, как далеко добираться из этого района до смысловых точек в пространстве города? Исходя из этого, мы можем заключить, что, во-первых, досуговые практики, реализуемые молодыми людьми, определяются их личными предпочтениями, потребностями и интересами, во-вторых, существуют закономерности, связанные с доступностью перемещений в пространстве крупного промышленного города. Несмотря на тот факт, что внедомашние досуговые практики, связанные с изменением положения молодого человека в физическом пространстве города, являются ресурсозатратными, они оказываются необходимыми, поскольку позволяют сохранить не-

посредственные взаимодействия: «...дружба — это тоже работа, на которую нужно тратить время» (Ж., 25 специалист). Таким образом, можно утверждать, что целью физических перемещений в досуговых практиках молодежи крупного города выступает воспроизводство родственных и дружеских отношений, а также исполнение социальных обязательств, необходимых для воспроизводства определенного образа жизни.

Основные выводы

Результаты исследования позволили определить особенности выбора маршрутов повседневных перемещений в досуговых практиках молодежи крупного промышленного центра. Эти маршруты отличаются по направлениям (смысловым точкам) и целям, т. е. социальным обязательствам, исполнению которых они служат. Так, маршруты физических перемещений молодых людей, связанные с реализацией внедомашних досуговых практик и ориентированные на воспроизводство дружеских отношений, включают в себя смысловые точки, расположенные в центре города. Физические перемещения молодых людей в рамках внедомашних досуговых практик, ориентированные на воспроизводство определенного образа жизни (т. е. реализуемые в одиночестве), соединяют смысловые точки, расположенные в районах проживания. Физические перемещения, необходимые для воспроизводства семейно-родственных отношений, осуществляются между смысловыми точками, расположенными в нецентральных районах города.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стрельникова А. В. Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность // *Inter*. 2014. № 8. С. 30—35.
2. Fagerholm N., Broberg A. Mapping and characterizing children's daily mobility in urban residential areas in Turku, Finland // *Fennia — International Journal of Geography*. 2011. Vol. 189. No. 2. Pp. 31—46.
3. Шевелева А. Городские социологи о доверии к ЦАО, нежелании быть москвичом и районной идентичности. URL: <http://www.the-village.ru/village/people/city-news/141767-gorodskie-sotsiologi-interview>
4. Берджес Э. Рост города. Введение в исследовательский проект. URL: <http://www.twirpx.com/file/330787/>
5. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // *Логос*. 2002. № 3-4. С. 23—35.
6. Матющенко Н. С. Отдых и развлечения как показатель качества жизни современного человека // *Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела*. 2010. № 3(13). С. 11—19.
7. Грунт Е. В., Мухутдинова А. И. Потребительское поведение молодежи при выборе модной одежды // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки*. 2017. Т. 161. № 12(1). С. 26—38.
8. Гордеева С. С., Хачатрян Л. А. Влияние социальных и внешнесредовых факторов на здоровье городской и сельской молодежи // *Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2. Демографический потенциал регионов России и СНГ: динамика роста и инерционность изменений*. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2016. С. 228—234.

9. Левинсон А. Г. Текущее и недвижимое в московской периферии // Археология периферии. М.: Strelka Institute, 2013. С. 314—381.
10. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
11. Недосека Е. В., Ануфриева Т. В. Особенности городской идентичности молодежи г. Мурманска // Социология города. 2015. № 3. С. 22—31.
12. Ахметшина И. «Уралмаш и Сортировка — районы бедных»: в Екатеринбурге составили психологическую карту города. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-464771.html
13. Jensen O. Erving Goffman and everyday life mobility // The contemporary Goffman. New York: Routledge, 2010. Pp. 333—351.
14. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц, 2000. 304 с.

REFERENCES

1. Strelnikova A. V. [The displacement in spatial coordinates, geographical mobility]. *Inter* [Inter], 2014, no. 8, pp. 30—35.
2. Fagerholm N., Broberg A. Mapping and characterizing children's daily mobility in urban residential areas in Turku, Finland. *Fennia — International Journal of Geography*, 2011, 189(2), pp. 31—46.
3. Sheveleva A. *Gorodskie sotsiologi o doverii k TsAO, nezhelanii byt' moskvichom i raionnoi identichnosti* [City sociologists about trust in the Central Administrative District, unwillingness to be a Moscow resident and district identity]. URL: <http://www.the-village.ru/village/people/city-news/141767-gorodskie-sotsiologi-interview>
4. Burgess E. *Rost goroda. Vvedenie v issledovatel'skii proekt* [Growth of the city. Introduction to the research project]. URL: <http://www.twirpx.com/file/330787/>
5. Zimmel G. [Big cities and spiritual life]. *Logos* [Logos], 2002, no. 3-4, pp. 23—35.
6. Matyushchenko N. S. [Recreation and entertainment as modern human life quality indicators]. *Vestnik Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta turizma i kurortnogo dela* [Sochi journal of economy], 2010, no. 3(13), pp. 11—19.
7. Grunt E. V., Mukhutdinova A. I. [Youth's Consumer Behavior in Choosing Fashion Apparel]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences], 2017, 161(12), pp. 26—38.
8. Gordeeva S. S., Khachatryan L. A. [The influence of social and external factors on the health of city and rural youth]. *Dinamika i inertsionnost' vosпроизводства naseleniya i zameshcheniya pokolenii v Rossii i SNG. T. 2. Demograficheskii potentsial regionov Rossii i SNG: dinamika rosta i inertsionnost' izmenenii* [Dynamics and time response of reproduction of the population and generation replacement in Russia and the CIS countries. Vol. 2. Demographic capacity of regions in Russia and the CIS countries: dynamics of growth and time response of changes]. Ekaterinburg, Institution of Economics of Ural Department of the Russian Academy of Sciences, 2016. Pp. 228—234.
9. Levinson A. G. [The fluent and motionless in the Moscow outskirts]. *Arkheologiya periferii* [Archeology of outskirts]. Moscow, Strelka Institute, 2013. Pp. 314—381.
10. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of the social space]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2007. 288 p.
11. Nedoseka E. V., Anufrieva T. V. [Peculiarities of the urban identity of the youth in Murmansk]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2015, no. 3, pp. 22—31.
12. Akhmetshina I. «Uralmash i Sortirovka — raiony bednykh»: v Ekaterinburge sostavili psikhologicheskuyu kartu goroda [“Uralmash and Sortirovka — the regions of the

poor” in Ekaterinburg make up the psychological map of the city]. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-464771.html

13. Jensen O. Erving Goffman and everyday life mobility. *The contemporary Goffman*. New York, Routledge, 2010. Pp. 333—351.

14. Hoffman I. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni* [Representation of yourself to others in everyday life]. Moscow, Kanon-press-Ts Publ., 2000. 304 p.

© Данилова А. В., 2017

*Поступила в редакцию
в мае 2017 г.*

Received in May, 2017

Ссылка для цитирования: Данилова А. В. Маршруты повседневных перемещений в досуговых практиках городской молодежи // Социология города. 2017. № 2. С. 20—29.

For citation: Danilova A. V. [Leisure practices and daily movement routes of young city dwellers]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2017, no. 2, pp. 20—29.

*Е. А. Купряшкина***ПОДРОСТКОВЫЕ
МОБИЛЬНОСТИ
В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ
(НА ПРИМЕРЕ
ВЛАДИВОСТОКА)**

В статье анализируется новый взгляд на феномен мобильностей зарубежных и отечественных авторов, рассматриваются перемещения подростков в городской среде, основанием классификации которых являются: наличие компании, сопровождение взрослых, возможность свободных прогулок. В данном исследовании мы делаем акцент на развивающий потенциал мобильностей, наполняющий содержанием повседневные практики современных подростков, классифицируем мобильности на организованные или свободные, зависимые или независимые, индивидуальные или групповые. За основу взято определение детской независимой мобильности П. Трантера и Дж. Вайтлега (P. Tranter и J. Whitelegg) как «свободы детей перемещаться по своему району или городу без присмотра взрослых». Мы дополняем это понятие элементом самостоятельного формирования маршрута.

Целью данного исследования стало выявление особенностей подростковой мобильности.

В исследовании приняли участие 70 подростков 12–13 лет, проживающие в г. Владивостоке. Именно в этом возрасте подростки начинают самостоятельно осваивать городское пространство, границы перемещений выходят за рамки придомовых территорий. Эмпирический материал исследования собран с помощью онлайн-анкетирования и проективной методики «Места, которые я знаю». Авторами предпринята попытка представить особенности подростковой мобильности, классифицировать городские пространства, отмеченные респондентами, проанализировать их доступность и ориентированность на подростков согласно ведущей деятельности возраста — общению, выявить значимые городские места подростков Владивостока, дать рекомендации по организации новых городских пространств. Городские пространства, ориентированные на подростков, должны учи-

Формирование научной проблематики современных детских мобильностей происходит в русле так называемого «мобильного поворота». Можно сказать, что тема детских мобильностей — новая тема для зарубежной социологии, а для российской — вообще неисследованная. Многообразие, изменчивость современного общества, современные процессы глобализации, виртуализации, внедрения новых технологий коммуникации (мобильные устройства, GPS-системы и пр.) заставляют по-новому взглянуть на мобильность. Мир находится в постоянном движении, поэтому Дж. Урри приходит к заключению, что исследовать нужно мобильности, а не общества [1].

В новой парадигме под «мобильностями» Дж. Урри понимает «множественность перемещений, в которых участвуют люди и вещи современного общества» и выделяет пять взаимосвязанных мобильностей: телесные перемещения людей, физические перемещения объектов, воображаемые перемещения, виртуальные путешествия, коммуникационные путешествия. Исследователь делает акцент на соединении разных видов мобильности, их комплексном изучении. Таким образом, изучение мобильности приобретает более широкий масштаб, чем анализ только вертикальной либо горизонтальной смены статусных позиций [1].

«Мобильный» поворот в социологической науке позволил обратиться к пространственной (территориальной) мобильности, прежде считавшейся прерогативой демографии, социальной и гуманитарной географии и пр. З. Бауман, У. Бек, М. Кастельс вводят в научный оборот понятия, связанные по своему содержанию с мобильностями, — сети, текучесть, потоки [2]. Появляются новые теоретические конструкты: «мобильное сетевое общество», «мобильности как практики», «мобильные технологии», «мобильные устройства» и т. д.

Зарубежными учеными изучаются особенности географических перемещений, а также исследуется потенциал мобильности для переосмысления движений как части повседневности и жизненного опыта [3, 4]. Кресвелл в своей

тывать возрастные особенности, представлять возможности для свободной мобильности, способствовать социальному развитию, приобретению навыков решения новых социальных задач взаимодействия со средой и социумом.

Ключевые слова:

мобильность,
подростки,
городская среда,
организованная мобильность,
свободная мобильность.

E. A. Kupryashkina

**TEENAGE MOBILITY
IN URBAN ENVIRONMENT
(BY THE EXAMPLE
OF VLADIVOSTOK)**

The article is devoted to the peculiarities of teenage mobility in far-eastern city, Vladivostok. Children's well-being and health depend on the quality of urban space. They are influenced by many social and technological factors such as car traffic, driver's non-compliance with the road rights, uncomfortable separate infrastructure of urban areas, and lack of areas for active mobility. The urban environment has to provide resources and opportunities for teenager's personal development and communications, but it does not do it.

The analysis of mobility is created through the prism of new approaches presented by the domestic and foreign authors, such as J. Ury, K. Lynch, A. Beschasnaya and others. In our study, we distinguish different types of mobility: organized and free, dependent and independent, individual and group. Children's independent mobility, in our opinion, is free movements in city space, when children plan and make journeys themselves. It is the form of children's rights manifestation. The research questions are where children go, at what time, how often, how they move and who they move through the city with.

The study involved 70 teenagers who are 12-13 years old living in Vladivostok. At this age young people begin to develop their own urban space. The research methods are presented by online survey on the GOOGLE platform and "Places that I know" projective techniques. The results allow defining features of the

концепции рассматривает мобильность в двух аспектах: как движение, определяемое его маршрутом, скоростью, ритмом и пространственными параметрами, и как социальный конструкт, характеризуемый опытом, компетенциями и значениями. Главной особенностью подхода является понимание мобильности как постоянно изменяющегося, нестатичного процесса, социально контролируемого и регулируемого [5].

Таким образом, ученые не уходят полностью от «социальной мобильности», а пытаются интегрировать ее в новые исследования.

Российские исследователи (Е. Г. Трубина, М. С. Тысячнюк, А. Ф. Филиппов и др.) критически переосмысливают концепт мобильностей, предложенный Дж. Урри [6, с. 176—179; 7; 8]. Так, А. Ф. Филиппов отмечает, что «в век подвижности мы часто не нуждаемся в движении», и «мобильность превращается в свою противоположность». Н. В. Веселкова предлагает дополнить категориальный аппарат понятиями комобильностей и контрмобильностей, под которыми понимает различное движение потоков относительно друг друга (противоположное либо однонаправленное), основанных на интересах, ценностях и нормах акторов движения [9].

В отечественных исследованиях мобильности мы обнаруживаем темы транспортных перемещений, туристической мобильности, влияния городской среды на повседневность горожан, поиск специфических методов изучения мобильности. А. В. Стрельникова изучает социальную мобильность применительно к географическим перемещениям (переезды внутри одного города или из города в город) и рассматривает их в качестве структурообразующего элемента семейных биографий [10]. Т. М. Дридзе исследует взаимодействие человека и городской среды в качестве многомерных пространственно-временных прямых и обратных связей, при которых человек активно преобразует окружающую среду, решая важные для себя проблемы [11]. Еще одно исследование, посвященное мобильности, описывает интересный метод, позволяющий участвовать в перемещениях вместе с респондентом, включиться в его пространственные практики и описать движение как значимую характеристику индивидов [12]. А. А. Бесчасная,

teenager's mobility.

Thus, the main feature of teenage mobility is the prevalence of organized mobility. Free movement is possible only at the weekend. Vladivostok has a few places for children's free play and independent mobility.

Planning changes in urban environment it is very important to take into account age features and opinions of children. According to human rights children have an opportunity to participate in the formation of the environment in which they live, learn, play and move.

Key words:

mobility,
teenagers,
urban environment,
organized mobility,
free mobility.

Об авторе:

Купряшкина Евгения Алексеевна – аспирант кафедры социальных наук, Дальневосточный федеральный университет (ДФУ), Российская Федерация, 690091, Владивосток, ул. Суханова, 8, zhenya.gorelowa@yandex.ru

Kupryashkina Evgeniya Alekseevna – Postgraduate Student of Social Sciences Department, Far Eastern Federal University, 8, Sukhanova Street, Vladivostok, 690091, Russian Federation, zhenya.gorelowa@yandex.ru

изучая детство в условиях города, дает описание социальных повседневных практик детей в пространственно-временных координатах [13]. М. С. Балакирева анализирует перемещения матерей с детьми в городском пространстве, делая содержательные выводы о различных аспектах адаптированности городской среды для семей с детьми [14].

С. Н. Майорова-Щеглова проблематизирует социальную ситуацию развития современных детей: «В современном российском обществе возникла своеобразная оппозиция между культурой для детей и детской субкультурой. Первая все больше пытается зафиксировать для детей определенное место, своеобразную “детскую площадку”, на которой механизмы порядка и нормирования будут устанавливать заинтересованные взрослые» [15]. Однако, как показывает исследование А. Г. Филиповой, Н. Э. Ракичиной, «точки зрения детей и взрослых на общественные пространства, детские площадки не всегда совпадают. Если взрослые мыслят в основном категорией “безопасности”, то для детей важны самореализация, свобода, творчество, простор, необычность» [16].

Целью настоящего исследования стало выявление особенностей подростковой мобильности в г. Владивостоке. Базой исследования выступил лицей г. Владивостока, где обучается 320 человек с 5 по 11 классы. В исследовании приняли участие 70 лицеистов — 38 девочек и 32 мальчика в возрасте 12—13 лет. Выбор лицей в качестве базы исследования связан с протяженностью маршрутов «школа — дом», т. к. места проживания лицеистов разбросаны по всему городу. Обращение к возрастной группе подростков 12—13 лет обусловлено тем, что именно этот возраст является началом самостоятельного освоения города, расширения границ свободных перемещений.

Детские перемещения в городском пространстве затруднены уличными рисками, неприспособленной средой, безответственным поведением взрослых. Исследователи говорят о существовании в городской среде отдельных участков — «островков» защищенного детства, самостоятельное перемещение между которыми

несет опасности для детей. Это вызывает сужение пространств свободной (независимой) детской мобильности. Большинство перемещений в городе дети совершают в сопровождении взрослых, особенно это касается длинных маршрутов.

Вводные данные для исследования

В качестве методов сбора эмпирических данных были использованы проективная методика «Места, которые я знаю» и онлайн-анкетирование с использованием платформы Google. Указанная проективная методика была разработана зарубежной исследовательницей С. Панч для изучения детской мобильности в сельской местности. Респонденту предлагается дорисовать пауку лапки с указанием мест в городе, где он чаще всего бывает, с описанием деталей: с кем, как добирается, как долго находится в этом месте, как часто его посещает [17]. В основу анкетного опроса легли данные зарубежного исследования «Children's independent mobility: a comparative study in England and Germany (1971—2010)» [18]. Анкета включала в себя следующие разделы: путь в школу и из школы (способ перемещения, наличие компаньонов, время пути); прогулки (регулярность, наличие компаньонов, тревожащие факторы); выходные дни (вид деятельности, наличие компаньонов); дополнительные занятия (частота посещения, способ перемещения, наличие сопровождающих, время в пути); средства активных перемещений (наличие велосипедов, роликов и т. д., возможность кататься без взрослых, регулярность катаний).

Сбор эмпирического материала осуществлялся в городе Владивостоке — крупнейшем городе-порте на Дальнем Востоке России с развивающейся системой торговли и промышленности, являющемся культурным и образовательным центром края. По данным городского портала «Электронная школа», на 1 января 2016 г. в городе проживали 633 000 человек, в том числе учащихся школ города — 55 070 человек.

Кейс Владивостока интерпретируется нами как пример недружественной к детям среды по причинам интенсивности автомобильного движения, несоблюдения водителями прав дорожного движения, недостаточно комфортной инфраструктуры отдельных городских районов, отсутствия зон для активной мобильности, недостаточного количества детских и спортивных площадок.

При описании городских мест, выбранных подростками в качестве значимых, мы опирались на понятия элементов города, выделенные К. Линчем. Так, места, в которые наблюдатель может свободно попасть, к которым и от которых он движется, К. Линч назвал «узлами». Узлы могут быть местами максимальной концентрации каких-то функций, особенностей облика, фокусирующими точками целого района [19].

Изучая мобильности детей и подростков в городе, мы будем обращать внимание на такие характеристики, как наличие компаньонов — детей или взрослых, возможность самостоятельного определения маршрута ребенком, зависимость от образовательной деятельности, использование транспортных средств и др. Прежде всего необходимо заметить, что в фокусе исследовательского внимания находятся исключительно физические перемещения детей в городской среде. Эти перемещения мы делим на организованные и сво-

бодные, зависимые и независимые, индивидуальные и групповые. Для формирования готовности детей и подростков к освоению новых форм деятельности, способов познания, навыков взаимодействия со сверстниками и взрослыми, развития способностей к решению нестандартных социальных задач и приобретения важного жизненного опыта важна их независимая (свободная) мобильность. П. Грантер и Дж. Вайтлег (P. Tranter и J. Whitelegg) ввели понятие детской независимой мобильности как «свободы детей перемещаться по своему району или городу без присмотра взрослых» [18]. Мы добавляем в это понятие элемент самостоятельного формирования маршрута, т. е. дети не только перемещаются без взрослых, но взрослые даже косвенно не влияют на способы и направления перемещений детей и подростков. Таким образом, в нашем понимании независимая и свободная мобильности — это не одно и то же. Первая означает перемещения подростков без взрослых, а вторая — самостоятельное конструирование маршрутов. Под маршрутами мы понимаем траекторию перемещений детей. Результаты исследования позволяют раскрыть особенности подростковой мобильности и выявить значимые для подростков городские места.

Описание исследования

Начнем с данных, полученных в ходе анкетного опроса, дополнив их далее материалами проективного обследования.

Путь «дом — школа» является примером организованной мобильности, обусловленной реализацией учебной деятельности. В табл. 1—3 приведены количественные данные распределения ответов подростков — участников исследования.

Таблица 1. Сравнение данных анкеты «Путь до школы и обратно: способ»

Варианты ответов	Результаты, %	
	Как ты обычно добираться до школы?	Как ты обычно возвращаешься из школы домой?
Пешком	35	24
На общественном транспорте	23	64
На машине	42	12

Основным средством для того, чтобы добраться до школы, является личный транспорт родителей, т. к. значительная часть ребят проживают в отдаленных районах города. Маршрут из приближенных микрорайонов достаточно удобен: есть виадук, пешеходные переходы, оснащенные светофорами, поэтому подростки, проживающие недалеко от школы, добираются пешком. Остальные ученики проживают в пригороде Владивостока, так называемой курортной зоне, — Шамора, Санаторная, Седанка. В связи со значительной удаленностью от школы, интенсивным дорожным движением и плохим транспортным сообщением (имеется в виду общественный транспорт) в школу детей доставляют взрослые. В качестве таких взрослых наряду с членами семьи выступают водители, родители других детей, проживающих в том же районе.

Обратный путь, по результатам анкетирования, представляет больше возможностей для свободной мобильности подростков, так как более половины опрошенных возвращаются из школы самостоятельно на общественном транспорте, что связано с занятостью родителей в дневное время.

Таблица 2. Сравнение данных анкеты «Путь до школы и обратно: компаньоны»

Варианты ответов	Результаты, %	
	С кем ты обычно добираться до школы?	С кем обычно возвращаешься из школы домой?
С родителями	51	9
Один	34	40,5
С другими взрослыми	8	3
Со сверстниками	7	47,5

Компаньонами на обратном пути чаще всего являются сверстники. Таким образом, перемещения в городе после занятий происходят без сопровождения взрослых, принимая форму независимой мобильности. Поэтому обратная дорога, с одной стороны, добавляет напряжение в жизнь школьников в связи с большими расстояниями, пробками и вынужденными пересадками, а с другой — дает дополнительное время для общения со сверстниками, возможность проявления самостоятельности в выборе маршрута и способа передвижения и пр.

Таблица 3. Сравнение данных анкеты «Путь до школы и обратно: время в пути»

Варианты ответов	Результаты, %	
	Сколько времени у тебя занимает путь до школы?	Сколько времени у тебя занимает путь из школы домой?
5—15 минут	26	13
16—30 минут	33	41
31—40 минут	19	24
Больше 41 минуты	22	22

Из табл. 3 видно, что продолжительность пути в школу и из школы отличается, обратный путь удлиняется за счет пользования общественным транспортом вместо поездок на автомобиле, а также по причине общения, игр с одноклассниками.

Также респондентам было предложено высказать свои идеи по поводу способов перемещений в школу и обратно. 35 % респондентов в качестве альтернативы системе общественного транспорта указали школьный автобус. Это, вероятно, связано с возможностью выстроить более удобный маршрут, избежать пересадок и сократить время нахождения в пути. На данный момент практика использования школьных автобусов не применяется ни в одной из школ города.

Еще одним проявлением организованной мобильности являются перемещения по маршруту «дом — учреждения дополнительного образования / культурно-досуговые учреждения» или «школа — учреждения дополнительного образования / культурно-досуговые учреждения».

78 % респондентов после школьных занятий занимаются в различных секциях с частотой посещения: 2—3 раза в неделю — 35 %, каждый день — 15 %, 1 раз в неделю — 15 %, 3 и больше раз в неделю — 13 %. Путь до места дополнительных занятий в 41 % случаев занимает от 16 до 30 мин, 25 % — 5...15 мин, 19 % — больше 41 мин, 15 % — от 31 до 40 мин. Большая часть подростков добирается до кружков, секций и репетиторов на общественном транспорте (63 %). То есть можно констатировать проявления организованной, но, в то же время, независимой (без сопровождения взрослых) мобильности подростков.

Блок вопросов, посвященный прогулкам, позволил получить следующие данные:

- 34 % опрошенных гуляют только в выходные дни;
- 22 % не гуляют;
- 18 % лицеистов гуляют 2—3 раза в неделю;
- 15 % гуляют больше 3 раз в неделю;
- 11 % гуляют каждый день.

В качестве мест прогулок с использованием средств активного передвижения (велосипеды, ролики, скейтборды) подростки чаще всего указывали центр города и открытые общественные пространства (набережные, скверы, парки). Лишь в 9 случаях местами для прогулок названы придомовые территории — «мой двор», «вокруг своего дома», «на районе», «100—500 метров от дома».

В большинстве случаев для свободных перемещений по городу у подростков остаются только выходные дни, чаще всего в компании сверстников (82 % — «гуляю с друзьями»). Это связано с удаленностью наиболее привлекательных и удобных для прогулок общественных пространств от места жительства детей — участников исследования.

Использование проективной методики «Места, которые я знаю» позволило объединить городские места, отмеченные подростками, в 7 групп:

- места отдыха, встреч с друзьями;
- места культурно-досугового характера;
- места дополнительных занятий (кружки, секции, репетиторы);
- места проживания, придомовые территории;
- места обучения;
- места приобретения товаров, услуг;
- «свои» места.

В качестве мест отдыха, встреч с друзьями около половины подростков указали городские общественные пространства — набережные, центральную площадь. К знакомым местам культурного отдыха опрошенные подростки отнесли такие городские узлы, как театр (4 раза), центр современного искусства «Заря» (7 раз), кинотеатры города в разных его районах с частотой посещения 1—2 раза в месяц в компании с друзьями (16 раз).

Местами дополнительной занятости 28 % подростков обозначили спортивные учреждения: скейтпарк, тренажерный зал, волейбольную секцию,

места для занятий теннисом, легкой атлетикой, подготовкой к самообороне. 33 % респондентов посещают дополнительные занятия с репетиторами, преимущественно по иностранному языку; 12 % в своих рисунках отметили музыкальные студии, школы искусств и др. Стоит отметить, что большинство занятых дополнительно лицезистов не ограничиваются только спортивной секцией (4—5 раз в неделю) или только репетитором (2 раза в неделю). Как правило, подростки совмещают разные занятия, и получается, что свободным от занятий днем остается воскресенье.

Пространства придомовых территорий крайне редко появляются в описаниях повседневных маршрутов и описаниях маршрутов выходного дня. Лишь в трех случаях подростки упоминают двор: один раз речь идет о прогулках с младшим братом на детской площадке во дворе, два раза отмечены прогулки во дворе с друзьями.

В качестве мест приобретения товаров и услуг подростки вполне предсказуемо указывают торговые центры, магазины в центре города, супермаркеты.

Идентификация группы «своих» мест для подростков — довольно сложная задача по причинам скрытности подростков, их недоверчивого отношения ко взрослому-исследователю. Тем не менее в ходе опроса удалось обнаружить такие места. В одном случае это крыша дома: «Я думаю о себе, читаю книги, пишу стихи» (Даша, 13 л.); в другом — фуникулер, позволяющий дистанцироваться от окружающего мира, взглянуть на все со стороны: «Гуляю с другом, всегда смотрю на море и мосты» (Вика, 13 л.). В качестве ключевых мест для встреч с друзьями обозначены кинотеатр «Иллюзион», улица, Jumpinc (батутный центр), сквер Веры и Надежды.

Подростковые мобильности принимают, таким образом, форму перемещений между местом проживания и всеми другими местами — местами отдыха, дополнительных занятий, обучения, приобретения товаров и др. Траектории передвижений (маршруты) могут быть длинными или короткими. Короткие маршруты осуществляются в пределах микрорайона проживания и они, как правило, не связаны с использованием транспортных средств. Длинные маршруты предполагают выход за пределы микрорайона, опосредованы личным или общественным транспортом и требуют существенных временных затрат.

Наиболее распространенный у детей, участвующих в исследовании, маршрут связан с перемещениями «дом — школа». К повседневным маршрутам мы также относим посещение учреждений дополнительного образования, перемещения в места проживания репетиторов. Эти перемещения происходят во второй половине дня и иногда заканчиваются поздно вечером. Как правило, они осуществляются подростками самостоятельно, пешком, иногда с использованием общественного транспорта. В одном случае девочка пишет о частых передвижениях с мамой и сестрой, что объясняется свободным режимом работы мамы, которая старается посещать все школьные мероприятия дочери.

Большее разнообразие обнаруживается в маршрутах выходного дня. Подростки вместе с друзьями гуляют в центре города («Арбат», Набережная Цесаревича, Центральная площадь и пр.). Эти общественные пространства выбираются подростками для времяпрепровождения, поскольку они наполнены молодежью, до них удобно добираться на общественном транспорте, в

них созданы условия для общения (скамейки, беседки, кафе). На рис. 1 изображена Набережная Цесаревича, ставшая точкой притяжения для подростков и молодых людей. Хотя следует заметить, что ресурс общественных пространств не используется в полной мере муниципальной властью. Так, А. Г. Филипова описывает случай с парком Минного городка в г. Владивостоке, пришедшего в 1990-е годы в запустение и ставшего «опасным местом для детей» [20].

Рис. 1. Набережная Цесаревича, г. Владивосток

Помимо городского центра, подростки, принявшие участие в исследовании, посещают другие районы города: Снеговую Падь, район Столетия, Первую речку. Дополнительные беседы с информантами помогли выяснить предпочтения этих районов всем остальным. Район Первой речки расположен в пятнадцати минутах ходьбы от лица, там находится кинотеатр «New Wave Cinema». В районе Столетия трое респондентов обучаются в Школе иностранного языка, до которой можно доехать на автобусе без пересадок. Снеговая Падь — новый благоустроенный микрорайон, находящийся в удалении от городского центра, дважды упоминается в связи с проживанием в этом районе друзей детей-информантов.

Свободная мобильность в описаниях некоторых подростков опосредована использованием разных средств перемещения — скейтов, велосипедов, роликов и пр. В городе появились «новые» места для спортивного отдыха: экстрим-центр «Точка Притяжения» в кампусе ДВФУ, Фетисов-арена, роллердром, скейт-парк, пешеходная зона «Берег здоровья». Описание Ильи (12 л.) является иллюстрацией городских мест спортивного отдыха: «Русский остров — катаюсь на велике с друзьями; Нейбута — катаюсь на ВМХ с друзьями; Набережная Цесаревича — катаюсь на лонгборде с друзьями». Однако во Владивостоке на данный момент нет ни одной велодорожки — специально обозначенной

территории, предназначенной исключительно для движения велосипедистов. Так, на рис. 2 изображена новая зона прогулочного маршрута, соединяющая два городских района г. Владивостока — Эгершельд и Центр — одно из любимых мест отдыха горожан. Велосипедист в условиях отсутствия велодорожки вынужден передвигаться по пешеходной зоне.

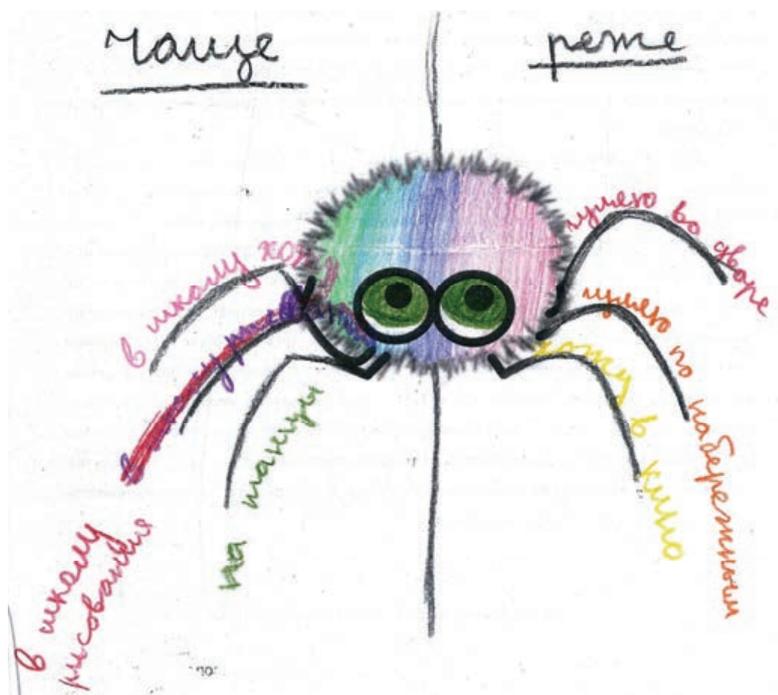

Рис. 2. Пешеходная зона, г. Владивосток

Специфика географического расположения города, большое количество природных объектов влияют на выделение природных мест среди прочих городских пространств. Набережные Цесаревича, Спортивная, Университетская становятся связующим звеном между подростком и природой: «Море, крик чаек меня успокаивает... мне нравится ходить босиком по песку» (Марина, 13 л.), «Живу рядом с морем, хожу почти каждый вечер один или с сестрой» (Федор, 13 л.).

Десять человек — участников проективного обследования — не отметили ни одного места для прогулок и развлечений. В одном случае налицо загруженность подростка дополнительными занятиями — по 2 раза в неделю он занимается английским, посещает музыкальную школу и ходит в институт искусств. В двух случаях можно констатировать «бегство в виртуальную реальность»: 12-летний Гриша описывает компьютер как «отдых от всего», а Валера (13 л.), дополняя городские места («школа», «магазин») домашними местами, упоминает кухню, туалет и «комп».

Рисунок-описание двенадцатилетней Светы (рис. 3) является удачной иллюстрацией соотношения организованной и свободной мобильностей. Девочка, взяв за основу критерий частотности, показала, что занимается чаще, а гуляет во дворе реже, соответственно, организованная мобильность (перемещения по маршрутам «дом — школа», «дом — досуговые учреждения») преобладает над свободной.

Рис. 3. Места, которые я знаю. Света, 12 л.

Две ситуации, представленные подростками, выбиваются из общего контекста описания мобильностей. В одном случае поездки в район Снеговой Пади связаны с предыдущим проживанием в этом районе, здесь, по словам Олеси (12 л.), остались «старые одноклассники, друзья». В другой ситуации мобильность подростка вызвана разводом родителей, вследствие чего ребенок имеет два дома: в будние дни живет с мамой, а в выходные перемещается в квартиру к папе с бабушкой и дедушкой (Ваня, 13 л.).

В рисунках детей встречаются упоминания мест, не относящихся к городскому пространству. Здесь можно выделить, по меньшей мере, три уровня локализации мест — пригород, страна, зарубежье. Основная часть мобильностей в этих пространствах приходится на период каникул. Подростки гостят у прауродителей, других родственников, отдыхают в загородных лагерях, посещают вместе с родителями другие страны.

Заключение

Таким образом, исследование независимых и свободных мобильностей подростков города Владивостока показало, что значительная часть общественных мест, привлекательных для подростков, сосредоточена в центре города, до которого не всегда возможно добраться в будние дни. Поэтому свободные и независимые перемещения подростков осуществляются в выходные дни. Районами — границами независимой мобильности являются места проживания друзей, родственников, образовательные учреждения дополнительной занятости, где подростки без сопровождения взрослых могут проводить

свободное от учебы время. Двор как место для игр, отдыха и общения в подростковом возрасте теряет свое значение.

Для повышения степени доброжелательности городской среды к детям важно синхронизировать систему маршрутов общественного транспорта с местами расположения учреждений дополнительного образования, оборудовать автомагистрали регулируемыми пешеходными переходами и виадуками.

Важно, чтобы при изменениях пространства городской среды учитывалось представление самих подростков о формах организации городских общественных мест, создавались возможности для открытия детьми «своих мест». При этом повышение степени безопасности городских пространств позволит детям свободно, самостоятельно выбирать место и время для прогулок со сверстниками, а создание новых объектов современного уличного искусства с приспособленными открытыми площадками для общения усилит независимую мобильность подростков.

Свободное перемещение детей и подростков в городе осложняется проблемами преобладания при возведении новых построек частных интересов над общественными, а в сфере дорожного движения — интересов автовладельцев над интересами пешеходов; сосредоточением доступных общественных пространств исключительно в центре города; некомфортностью общественного транспорта (очереди на остановках, переполненные автобусы, отсутствие отопления в автобусах, вынужденные пересадки, отсутствие информационной системы общественного транспорта); неразвитостью зон активной мобильности (во Владивостоке нет ни одной велодорожки и мало велопарковок).

В этой связи можно выделить ориентиры развития среды г. Владивостока: 1) деление общественных пространств на зоны с учетом возрастных особенностей детей; 2) создание зон активной мобильности; 3) изменение маршрутов общественного транспорта с ориентацией на образовательные учреждения и учреждения дополнительного образования, а также городские общественные пространства; 4) улучшение качества общественного транспорта — оснащение системой навигации и информационной системой оповещения, повышение комфортности и безопасности остановок; 5) развитие придомовых территорий с ориентацией на потребности детей школьного возраста — создание спортивных площадок, беседок и т. д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.
2. Söderström O., Crot L. The Mobile Constitution of Society: Rethinking the Mobility-Society Nexus // MAPS. 2010. 22 p.
3. Mikkelsen M. R., Christensen P. Is Children's Independent Mobility Really Independent? A Study of Children's Mobility Combining Ethnography and GPS-Mobile Phone Technologies // Mobilities. 2009. Vol. 4. Iss. 1. Pp. 37—58. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/17450100802657954>
4. Fotel T. N., Thomsen T. U. The surveillance of children's mobility // Surveillance & Society. 2004. Vol. 1. Iss. 4. Pp. 535—554.
5. Cresswell T. Towards a politics of mobility // Environment and Planning D: Society and Space. 2010. Vol. 28. Iss. 1. Pp. 17—31.

6. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
7. Тысячнюк М. С. Мобильная социология Джона Урри // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 4. С. 200—208.
8. Филиппов А. Ф. Парадоксальная мобильность // Отечественные записки. 2012. Т. 50. № 5. С. 8—23.
9. Веселкова Н. В. Новые исследования мобильности: совпадающие и несовпадающие потоки и социальная компетентность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 3. С. 50—66.
10. Стрельникова А. В. Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2014. № 8. С. 30—35.
11. Дридзе Т. М. Человек и городская среда в прогнозном социальном проектировании // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 131—138.
12. Глазков К. П., Стрельникова А. В. Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2015. № 10. С. 79—90.
13. Бесчасная А. А. Паттерны урбанистического детства как отражение многообразия повседневности городских детей // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 1. С. 26—29.
14. Балакирева М. С. Изучение повседневной мобильности горожанок с детьми: опыт применения стратегии смешивания методов // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2015. № 10. С. 60—69.
15. Майорова-Щеглова С. Н. Трансформация детства в начале XXI в.: К уточнению концепции социального конструирования детства // Вестник РГГУ. 2014. № 4. С. 173—184.
16. Филипова А. Г., Ракитина Н. Э. Дети и город: проблема воспроизводства социального неравенства // Социология города. 2016. № 2. С. 58—71.
17. Punch S. Research with Children: The Same or Different from Research with Adults? // *Childhood*. 2002. № 9. Pp. 321—341.
18. Children's independent mobility: a comparative study in England and Germany (1971—2010) / B. Shaw, B. Watson, B. Frauendienst, A. Redecker, T. Jones, M. Hillman // Policy Studies Institute. London, 2013. 248 p.
19. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
20. Филипова А. Г. Общественные пространства и дети: Владивосток vs Хабаровск // Вестник Института социологии. 2016. № 1(16). С. 27—42.

REFERENCES

1. Urry J. *Mobil'nosti* [Mobility]. Moscow, Praxis Publ., 2012. 576 p.
2. Söderström O., Crot L. The Mobile Constitution of Society: Rethinking the Mobility-Society Nexus. *MAPS*, 2010. 22 p.
3. Mikkelsen M. R., Christensen P. Is Children's Independent Mobility Really Independent? A Study of Children's Mobility Combining Ethnography and GPS-Mobile Phone Technologies. *Mobilities*, 2009, 4(1), pp. 37—58. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/17450100802657954>
4. Fotel T. N., Thomsen T. U. The surveillance of children's mobility. *Surveillance & Society*, 2004, 1(4), pp. 535—554.
5. Cresswell T. Towards a politics of mobility. *Environment and Planning D: Society and Space*, 2010, 28(1), pp. 17—31.

6. Trubina E. G. *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [The city in the theory: the experience of understanding of the space]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2011. 520 p.
7. Tsyachnyuk M. S. [Mobile sociology by John Urry]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2004, VII(4), pp. 200—208.
8. Filippov A. F. [Paradoxical mobility]. *Otechestvennye zapiski* [National notes], 2012, 50(5), pp. 8—23.
9. Veselkova N. V. [New researches of mobility: coincident and not coincident flows and social competence]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2011, no. 3, pp. 50—66.
10. Strelnikova A. V. [The displacement in spatial coordinates, geographical mobility]. *INTER* [INTER], 2014, no. 8, pp. 30—35.
11. Dridze T. M. [Person and urban environment in expected social design]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modern times], 1994, no. 1, pp. 131—138.
12. Glazkov K. P., Strelnikova A. V. [Mobile methods: movement as a part of research strategy]. *INTER*, [INTER], 2015, 1(10), pp. 79—90.
13. Beschasnaya A. A. [The patterns of urban childhood as a reflection of diversity of everyday life of urban children], 2016, no. 1, pp. 26—29.
14. Balakireva M. S. [Everyday mobility study of town dwellers with children: application of mixed method research strategy]. *INTER* [INTER], 2015, 1(10), pp. 60—69.
15. Mayorova-Shcheglova S. N. [Transformations of childhood in the beginning of XXI century (refining of the concept of social construction of childhood)]. *Vestnik RGGU* [RSUH/RGGU Bulletin], 2014, no. 4, pp. 173—184.
16. Filipova A. G., Rakitina N. E. [Children and city: problem of reproduction of social inequality]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 2, pp. 58—71.
17. Punch S. Research with Children: The Same or Different from Research with Adults?. *Childhood*, 2002, no. 9, pp. 321—341.
18. Shaw B., Watson B., Frauendienst B., Redecker A., Jones T., Hillman M. *Children's independent mobility: a comparative study in England and Germany (1971—2010)*. London, 2013. 248 p.
19. Lynch K. *Obraz goroda* [The image of the city]. Moscow, Stroiizdat Publ., 1982. 328 p.
20. Filipova A. [Social Spaces and Children: Vladivostok vs. Khabarovsk]. *Vestnik Instituta Sotziologii*, 2016, no. 16, pp. 27—42.

© Купряшкина Е.А., 2017

Поступила в редакцию
в апреле 2017 г.

Received in April, 2017

Ссылка для цитирования: Купряшкина Е. А. Подростковые мобильности в городской среде (на примере Владивостока) // Социология города. 2017. № 2. С. 30—43.

For citation: Kupryashkina E. A. [Teenage mobility in urban environment (by the example of Vladivostok)]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2017, no. 2, pp. 30—43.

УДК 72.017:69.059.7

Введение

*А. А. Кузьмичев,
В. Н. Азаров***МЕТОДЫ СОЗДАНИЯ КОМ-
ФОРТНОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ СРЕ-
ДЫ ГОРОДА
ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТО-
РИЧЕСКИХ ЗДАНИЙ
И СООРУЖЕНИЙ**

На основании исследований, посвященных изучению психоэмоционального состояния человека, установлено, что наиболее благоприятной визуальной средой для него является природная. Поскольку высокий темп современной жизни не позволяет постоянно находиться в естественной среде, основной задачей визуальной экологии является адаптация городского пространства к комфортному восприятию его человеком. В данной статье рассмотрены методы, способствующие созданию комфортной визуальной среды при реконструкции существующих зданий и сооружений, которые основаны на принципах видеоэкологии.

Ключевые слова:
визуальная экология,
видеоэкология,
атмосферный воздух,
твердые частицы,
пыль,
PM₁₀,
PM_{2.5},
исторические здания,
памятники архитектуры.

*A. A. Kuz'michev,
V. N. Azarov***METHODS OF CREATION
OF A COMFORTABLE VISUAL
ENVIRONMENT OF A CITY
AT THE RECONSTRUCTION
OF HISTORICAL BUILDINGS
AND CONSTRUCTIONS**

On the basis of the researches devoted to the study of psychoemotional state of a person, it was found that the most favorable visual environment for an individual is habitat. Due to the high rate of modern life, it's impossible to be constantly in the natural environment. The main task of visual ecology is the adaptation of

Естественные элементы окружающего пространства могут служить эталонами комфортной визуальной среды для индивидуума. Однако человек на данном этапе своего развития не может жить исключительно в природной среде. При создании окружающей нас искусственной среды в первую очередь мы должны стремиться к природоподобию при проектировании силуэтов зданий, а также при их насыщении различными по форме и цветовым решениям декоративными элементами. Решение данных и многих других возникающих вопросов возможно благодаря новому научному направлению — визуальной экологии.

**Визуальная экология с точки зрения физиологии
и психологии человека**

Визуальная экология исследует и объясняет природу механизмов зрения с позиций новейшей психофизиологической науки и дает теоретические основы для разработки экологических принципов построения материальных объектов, которые бы отвечали «нормам зрения» — комфортного визуального восприятия окружающей человека среды [1]. Сущность понятия «комфортная визуальная среда» можно объяснить с позиции теории автоматии саккад на примере природной среды — леса [2]. Автоматия саккад — свойство глазодвигательного аппарата совершать произвольные и быстрые движения глаз, направленные на смену наблюдаемых объектов. Это подчеркивает потребность в постоянном обновлении предметов внимания [3]. В лесном ландшафте при любых амплитудах саккад, ориентации и интервале всегда найдется достаточное число элементов для фиксации взгляда. При бесконечных переходах от элемента к элементу глаз способен отдыхать, ничего не разглядывая пристально, автоматичность саккад при этом не нарушается. В таких же собственных режимах работают и другие жизненно необходимые физиологические процессы. Полноценный отдых человека предполагает, что автоматические процессы организма, обеспечивающие его основные функции, осуществляются без пе-

the urban environment to a comfortable human perception. This article discusses the methods of the creation of a comfortable visual environment at the reconstruction of historical buildings and structures. These methods are based on the principles of videoecology.

Key words:

visual ecology,
videoecology,
atmospheric air,
solid particles,
dust,
PM₁₀,
PM_{2.5},
historical buildings,
architectural monuments.

Об авторах:

Кузьмичев Андрей Александрович – аспирант кафедры безопасности жизнедеятельности в техносфере, Волгоградский государственный технический университет (ВолГТУ), Российская Федерация, 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, andrew_9207@mail.ru

Kuz'michev Andrei Aleksandrovich – Postgraduate Student of Life Safety in Technosphere Department, Volgograd State Technical University (VSTU), 1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074, Russian Federation, andrew_9207@mail.ru

Азаров Валерий Николаевич – доктор технических наук, профессор, зав. кафедрой безопасности жизнедеятельности в техносфере, Волгоградский государственный технический университет (ВолГТУ), Российская Федерация, 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, kaf_bgdvt@mail.ru

Azarov Valerii Nikolaevich – Doctor of Engineering Science, Professor, the Head of Life Safety in Technosphere Department, Volgograd State Technical University (VSTU), 1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074, Russian Federation kaf_bgdvt@mail.ru

регрузок. В лесу в полной мере осуществляется описанный принцип наименьшего принуждения, характерный для всех биологических систем [2, 4].

По своим параметрам наиболее приближает человека к комфортной для него визуальной среде индивидуальное коттеджное строительство, т. к. одним из аспектов создания благоприятной обстановки является соблюдение соразмерных масштабу человека высотных параметров застройки (не более 4 этажей). Однако в связи с активными темпами урбанизации большая часть населения проживает в городах, где развито многоэтажное строительство [2, 5].

Визуальная среда городских улиц представлена, в основном, плоскостями фасадов многоэтажных зданий и сооружений, большинство которых характеризуется многократным повторением однотипных элементов. Именно они создают гомогенные и агрессивные видимые поля. В архитектуре современных многоэтажных зданий по-прежнему преобладают прямые линии и значительное количество однотипных элементов, несмотря на большие строительные возможности. Более того, наблюдается тенденция ухудшения городской визуальной среды за счет утраты архитектурных деталей в ходе реконструктивных мероприятий. Примером утраты комфортного содержания здания служит использование навесной вентилируемой фасадной системы, не отвечающей требованиям комфортной визуальной среды, т. к. она минимизирует разнообразие архитектурного декора и ведет к преобладанию типовых панелей. С учетом видеоэкологических принципов организации городского пространства в проектных решениях следует применять разнообразные варианты форм и размеров декоративных и конструктивных элементов, прежде всего балконов и окон [2, 5].

Исторические здания и сооружения служат наглядным примером удачного использования таких архитектурных элементов, как портал, ордер, пилястры, колонна и другие при декорировании фасадов.

Применение подобных архитектурных деталей обогащает визуальную городскую среду комфортным содержанием [2, 5].

С целью создания более комфортной визуальной среды за счет снижения ее монотонности, а также насыщения разнообразными декоративно-художественными элементами для фиксации взгляда и снижения утомляемости необходимо добиться усложнения объемно-планировочных решений застройки при помощи следующих мероприятий [2, 5]:

1) проектирование зданий более сложной в плане конфигурации, достигаемой поворотами, различными выступающими и западающими частями зданий различных форм;

2) усложнение силуэтов сооружений при помощи декоративных элементов (шпилей, фронтонов, аттиков), переменной этажности, высотных перепадов кровли;

3) группировка различных по высоте строений при условии их гармоничного сочетания с окружающими зданиями и природным ландшафтом.

Варианты восстановления исторического здания на примере особняка Нобель в Санкт-Петербурге

Учитывая разнообразие потребностей современного общества и понимание большой значимости исторических зданий и памятников архитектуры, проблема сохранения объектов культурного наследия, являющихся эталоном благоприятной для индивидуума визуальной среды в городах, а также подчеркивающих тесную связь с историческим процессом, становится все более актуальной. На примере особняка семьи Нобель рассмотрены варианты восстановления здания, основанные на его адаптации к потребностям динамично развивающейся среды с учетом требований видеоэкологии.

Особняк семьи Нобель в Санкт-Петербурге обладает уникальной исторической и архитектурной ценностью. Он расположен по адресу Пироговская наб., 19 и состоит из четырех зданий. Именно здесь было принято решение о создании Фонда Нобеля и вручении Нобелевских премий за выдающиеся исследования. Такие архитекторы, как К. К. Андерсон, Р. Ф. Мельцер и В. А. Шрётер, работали над созданием этого сооружения.

В здании были жилые и церемониальные покои, административные помещения Механического завода «Людвиг Нобель» (1862—1918) и «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель» (1879—1910). После 1918 г. в здании расположился завод «Русский дизель». Во время Великой Отечественной войны особняк был поврежден. В период после окончания войны и до 1997 г. здание принадлежало управлению Механического завода. С 1997 г. и до настоящего времени здание находится в аварийном состоянии, требующем немедленных реставрационных и реконструктивных мероприятий (рис. 1, 2).

При разработке мероприятий, направленных на сохранение объектов культурного наследия, для достижения наилучших результатов в данной области необходимо рассматривать в совокупности следующие аспекты: физический аспект, учитывающий степень загрязнения (запыленность, выцветание и др.), разрушения здания и мероприятия, направленные на его восстановление, а также визуальный аспект, охватывающий зрительное восприятие человеком окружающей его среды [6, 7]. Можно предложить следующие восстановительные мероприятия: строительство нового отдельного сооружения

и/или объекта в качестве пристройки к существующему зданию или памятнику архитектурного наследия с установленным прямым контактом между понятиями «старое» и «новое»; вмешательство в интерьеры памятников архитектурного наследия; объединение нескольких категорий. Рассмотрим их на примере особняка Нобеля [8].

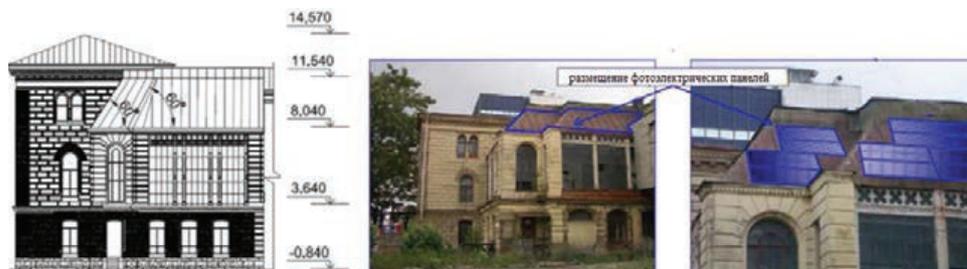
Рис. 1. Механический завод «Людвиг Нобель»

Рис. 2. Современный вид особняка семьи Нобель (фасады, план)

Главный фасад может быть восстановлен без каких-либо изменений в соответствии с Законом об охране объектов культурного наследия (№ 73-ФЗ). Пространство внутреннего двора было решено остеклить для расширения рабочей зоны здания в теплое время года. С целью энергосбережения предполагалось электроснабжение посредством фотоэлектрических панелей. Выбранный вариант остекления обеспечивает энергоснабжение значительной незатененной площади. Первоначально проектным решением предусматривалось размещение фотоэлектрических панелей на крыше здания парника (рис. 3). Однако это решение было отменено властями, так как со стороны главного фа-

сада не должны быть видны инженерные коммуникации. По этой причине фотоэлектрические панели были расположены на проектируемом остеклении внутреннего пространства (рис. 4) [8].

Рис. 3. Первоначальный проект размещения фотоэлектрических панелей на крыше здания парника

Рис. 4. Окончательный проект размещения фотоэлектрических панелей на проектируемом остеклении внутреннего двора

В состав мероприятий, направленных на сохранение объектов культурного наследия, также входит изучение внешнего облика исторических зданий. Ухудшение состояния фасадов сооружений по причине пылевого осаждения, вызванного загрязненным атмосферным воздухом, становится все более актуальной проблемой вследствие естественных (космическая пыль, вулканическая активность, пыль, образовавшаяся в результате разрушения горных пород и др.) и антропогенных процессов (развитие промышленности, сельского и коммунально-бытового хозяйства, транспортная активность).

В настоящее время активно изучаются твердые взвешенные частицы PM_{10} и $PM_{2,5}$, которые были включены Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в перечень особо опасных загрязнителей [9]. При вдыхании частицы PM_{10} и $PM_{2,5}$ проникают в верхние дыхательные пути и легкие, что вызывает повреждение легочной ткани, респираторные и другие заболевания. Следует отметить, что результаты ряда исследовательских проектов свидетельствуют о целесообразности нормирования этих частиц вследствие их различного воздействия на организм человека и длительности нахождения во взвешенном состоянии в воздухе [10—12]. Именно частицы $PM_{2,5}$ с аэродинамическим диаметром менее 2,5 мкм могут вызывать тяжелые заболевания органов дыхания, в ряде случаев приводящие к летальному исходу [13—15].

На основании исследований, проведенных в Италии, установлено влияние загрязнителей воздуха на культурные ценности страны. Оказалось, что примерно 30 % разрушений и порчи памятников архитектуры, предметов искусства вызывается загрязнением атмосферы [1]. Совместное действие

агрессивных твердых, жидких и газообразных примесей в воздухе в соединении с повышенной влажностью воздушной среды сокращает срок службы как отдельных элементов, так и всей конструкции в целом. На фасадах зданий формируются черные отложения, представляющие собой скопления твердых частиц. Это приводит к нежелательным эстетическим эффектам, а также ставит под угрозу целостность материалов [3].

Декоративные детали из натурального камня мягких пород, которые украшают фасады дворцов, музеев и памятников, с течением времени под воздействием находящихся в воздухе промышленных городов сернистых газов и сернистой кислоты разрушаются в результате превращения углекислого кальция мраморных плит в гипс, нестойкий к влаге воздуха. Эстетические свойства окрашенной поверхности фасадов различных зданий и сооружений от механических воздействий частиц пыли теряются. В результате приходится производить чистку материалов, окрашивать поверхность вновь [10, 13].

Заключение

Курс на единение человека с природой в очередной раз подтверждает свою актуальность, т. к., во-первых, по результатам исследований [16—19] экологическая обстановка естественной среды гораздо более положительная, нежели в городах, а во-вторых, природа является наиболее благоприятной визуальной средой, к которой человек неосознанно стремится всю жизнь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азаров В. Н., Кузьмичев А. А. Загрязненность строительных конструкций и памятников архитектуры как один из аспектов визуальной экологии // Социология города. 2015. № 2. С. 76—86.
2. Городков А. В., Салтанова С. И. Экология визуальной среды: учебное пособие для вузов. СПб.: Лань, 2013. 192 с.
3. Азаров В. Н., Кузьмичев А. А. Совокупность физического и визуального аспектов при исследовании загрязнений строительных конструкций и памятников архитектуры // Социология города. 2016. № 3. С. 28—42.
4. Кузьмичев А. А., Азаров В. Н. Исследование влияния загрязненного атмосферного воздуха на внешний облик и восприятие строительных конструкций и памятников архитектуры // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. 2016. № 1(13). С. 86—96.
5. Городков А.В., Салтанова С.И. Агрессивные визуальные поля города как фактор несовместимости биосферы и урбосреды // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. 2013. № 1. С. 77—84.
6. Kuzmichev A. A., Loboiko V. F. Impact of polluted air on the appearance of buildings and architectural monuments in the area of town planning // Procedia Engineering. 2016. Vol. 150. Pp. 2095—2101.
7. Computer — Based visual analysis of ecology influence on human mental health / N. Y. Orudjev, M. B. Lempert, I. Osaulenko, N. A. Salnikova, A. A. Kuzmichev, A. G. Kravets // 2016 7th Int. Conf. on Information, Intelligence, Systems & Applications (IISA), IEEE Conference Publications. Pp. 1—6.

8. Penica M., Golovina S., Murgul V. Revitalization of Historic Buildings as an Approach to Preserve Cultural and Historical Heritage // *Procedia Engineering*. 2015. Vol. 117. Pp. 883—890.
9. Азаров В. Н., Горшков Е. В., Саркисов Р. М. Строительная отрасль экономики и атмосферный воздух промышленных городов // *Социология города*. 2012. № 4. С. 71—78.
10. Азаров В. Н., Тертишников И. В., Маринин Н. А. Нормирование PM_{10} и $PM_{2,5}$ как социальных стандарты качества жизни в районах расположения предприятий стройиндустрии // *Жилищное строительство*. 2012. № 3. С. 20—23.
11. Об оценке концентрации мелкодисперсной пыли ($PM_{2,5}$ и PM_{10}) в воздушной среде / В. Н. Азаров, И. В. Тертишников, Е. А. Калюжина, Н. А. Маринин // *Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета*. Сер.: *Строительство и архитектура*. 2011. Вып. 25(44). С. 402—406.
12. Азаров В. Н., Маринин Н. А., Жоголева Д. А. Об оценке концентрации мелкодисперсной пыли ($PM_{2,5}$ и PM_{10}) в атмосфере городов // *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2011. № 5(38). Ч. 2. С. 144—149.
13. О загрязнении мелкодисперсной пылью воздушной среды городских территорий / В. Н. Азаров, Н. А. Маринин, Н. С. Барикаева, Т.Н. Лопатина // *Биосферная совместимость: человек, регион, технологии*. 2013. № 1. С. 30—34.
14. Azarov V., Barikaeva N., Solovyeva T. V. Monitoring of Fine Particulate Air Pollution as a Factor in Urban Planning Decisions // *Procedia Engineering*. 2016. Vol. 150. Pp. 2001—2007.
15. Azarov V. N., Menzelitseva N. V. Main Trends of Conditions Normalizing at Cement Manufacturing Plants // *International Review of Civil Engineering*. 2015. Vol. 6. No. 6. Pp. 145—150.
16. Azarov V. N., Borovkov D. P., Redhwan A. M. Application of swirling flows in aspiration systems // *International Review of Mechanical Engineering*. 2014. Vol. 8. No. 4. Pp. 750—753.
17. Experimental study of secondary swirling flow influence on flows structure at separation chamber inlet of dust collector with counter swirling flows / V. N. Azarov, D. V. Lukanin, D. P. Borovkov, A. M. Redhwan // *International Review of Mechanical Engineering*. 2014. No. 8(5). Pp. 851—856.
18. Azarov V., Trokhimchyk M., Sidelnikova O. Research of Dust Content in the Earthworks Working Area // *Procedia Engineering*. 2016. Vol. 150. Pp. 2008—2012.
19. Salnikova N. A., Lempert B. A., Lempert M. B. Integration of Methods to Quantify the Quality of Medical Care in the Automated Processing Systems of Medical and Economic Information // *Communications in Computer and Information Science*. CIT&DS 2015. Vol. 535. Volgograd, 2015. Pp. 307—319.

REFERENCES

1. Azarov V. N., Kuz'michev A. A. [Pollution of building constructions and architectural monuments as one of the aspects of visual ecology]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2015, no. 2, pp. 76—86.
2. Gorodkov A. V., Saltanova S. I. *Ekologiya vizual'noi sredy* [Ecology of the visual environment]. Saint Petersburg, Lan' Publ., 2013. 192 p.
3. Azarov V. N., Kuz'michev A. A. [The totality of physical and visual aspects when studying contamination of building structures and monuments of architecture]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 3, pp. 28—42.
4. Kuzmichev A. A., Azarov V. N. [The study of impact of air pollution on external appearance and perception of building constructions and architectural monuments].

Biosfernaya sovmestimost': chelovek, region, tekhnologii [Biospheric compatibility: human, region, technologies], 2016, 1(13), pp. 86—96.

5. Gorodkov A. V., Saltanova S. I. [Aggressive visual fields of the city as a factor of biosphere incompatibility of urban environment]. *Biosfernaya sovmestimost': chelovek, region, tekhnologii* [Biospheric compatibility: human, region, technologies], 2013, no. 1, pp. 77—84.

6. Kuzmichev A. A., Loboyko V. F. Impact of polluted air on the appearance of buildings and architectural monuments in the area of town planning. *Procedia Engineering*, 2016, 150, pp. 2095—2101.

7. Orudjev N. Y., Lempert M. B., Osaulenko I., Salnikova N. A., Kuzmichev A. A., Kravets A. G. Computer — Based visual analysis of ecology influence on human mental health. *2016 7th Int. Conf. on Information, Intelligence, Systems & Applications (IISA), IEEE Conference Publications*. Pp. 1—6.

8. Penica M., Golovina S., Murgul V. Revitalization of Historic Buildings as an Approach to Preserve Cultural and Historical Heritage. *Procedia Engineering*, 2015, 117, pp. 883—890.

9. Azarov V. N., Gorshkov Ye. V., Sarkisov R. M. [Construction sector of economy and atmospheric air in industrial cities]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2012, no. 4, pp. 71—78.

10. Azarov V. N., Tertishnikov I. V., Marinin N. A. [Rating of PM₁₀ and PM_{2.5} as social standards of life quality in areas of building industry enterprises location]. *Zhilishchnoe stroitel'stvo* [Housing Construction], 2012, no. 3, pp. 20—23.

11. Azarov V. N., Tertishnikov I. V., Kalyuzhina Ye. A., Marinin N. A. [About concentration estimation of fine dust (PM₁₀ и PM_{2,5}) in air]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Stroitel'stvo i arhitektura* [Bulletin of Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Civil Engineering and Architecture], 2011, iss. 25(44), pp. 402—406.

12. Azarov V. N., Marinin N. A., Jogoleva D. V. [About a Concentration Estimation Disperse a Dust (PM₁₀ and PM_{2,5}) In Atmosphere of Cities]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the South-West state university], 2011, 5(38), part 2, pp. 144—149.

13. Azarov V. N., Marinin N. A., Barikaeva N. S., Lopatina T. N. [Air pollution by highly dispersed dust in urban areas]. *Biosfernaya sovmestimost': chelovek, region, tekhnologii* [Biospheric compatibility: human, region, technologies], 2013, no. 1, pp. 30—34.

14. Azarov V., Barikaeva N., Solovyeva T.V. Monitoring of Fine Particulate Air Pollution as a Factor in Urban Planning Decisions. *Procedia Engineering*, 2016, 150, pp. 2001—2007.

15. Azarov V. N., Menzelitseva N. V. Main Trends of Conditions Normalizing at Cement Manufacturing Plants. *International Review of Civil Engineering*, 2015, 6(6), pp. 145—150.

16. Azarov V. N., Borovkov D. P., Redhwan A. M. Application of swirling flows in aspiration systems. *International Review of Mechanical Engineering*, 2014, 8(4), pp. 750—753.

17. Azarov V. N., Lukanin D. V., Borovkov D. P., Redhwan A. M. Experimental study of secondary swirling flow influence on flows structure at separation chamber inlet of dust collector with counter swirling flows. *International Review of Mechanical Engineering*, 2014, 8(5), pp. 851—856.

18. Azarov V., Trokhimchyk M., Sidelnikova O. Research of Dust Content in the Earthworks Working Area. *Procedia Engineering*, 2016, 150, pp. 2008—2012.

19. Salnikova N. A., Lempert B. A., Lempert M. B. Integration of Methods to Quantify the Quality of Medical Care in the Automated Processing Systems of Medical and Economic Information. *Communications in Computer and Information Science. CIT&DS 2015*, vol. 535. Volgograd, 2015. Pp. 307—319.

*Поступила в редакцию
в марте 2017 г.*

Received in March, 2017

Ссылка для цитирования: Кузьмичев А. А., Азаров В. Н. Методы создания комфортной визуальной среды города при реконструкции исторических зданий и сооружений // Социология города. 2017. № 2. С. 44—52.

For citation: Kuz'michev A. A., Azarov V. N. [Methods of creation of a comfortable visual environment of a city at the reconstruction of historical buildings and constructions). *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2017, no. 2, pp. 44—52.

УДК 72

Введение

*Э. Э. Красильникова,
А. А. Гончарик*

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
ЛАНДШАФТНО-
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ
МАКРОСИСТЕМ
(НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ
АГЛОМЕРАЦИИ)**

В статье рассматриваются актуальные вопросы формирования ландшафтно-градостроительной системы Московской агломерации. Уделено внимание изучению вопросов создания взаимосвязанной системы озелененных территорий, проанализированы исторические особенности формирования градостроительной системы. Авторами предложены подходы по сохранению природных и естественных ландшафтов в структуре урбанизированных территорий на основе их восстановления и экореконструкции. Обоснована перспективность комплексного подхода к объединению внутригородских и природных озелененных территорий в единую инфраструктурную «зеленую сеть».

Ключевые слова:
Московская агломерация,
Московский регион,
ландшафтно-градостроительная
система,
природно-экологический каркас,
ландшафтный урбанизм,
озелененные территории,
экореконструкция.

*E. E. Krasil'nikova,
A. A. Goncharik*

**CURRENT ISSUES
OF FORMATION
OF LANDSCAPE AND URBAN
PLANNING MACRO-SYSTEMS
(BY THE EXAMPLE OF MOSCOW
AGGLOMERATION)**

This article discusses the current issues of formation of landscape and urban planning system of Moscow agglomeration. The

В социологии развития городов уделяют внимание поиску подходов к решению проблем социально неблагополучных городских районов. На сегодняшний день крупные города представляют собою искусственное образование, включающее в себя элементы природной среды. Одной из главных задач в городах становится сохранение равновесия и обеспечение баланса между застроенными территориями и природой.

Московский регион является крупнейшим регионом России, площадь которого составляет около 46 тыс. м², а население — около 8 млн человек.

По административно-территориальному делению Московская агломерация подразделяется на районы, города и поселки городского типа областного подчинения и закрытые административно-территориальные образования.

Регион располагает разнообразием рекреационных ресурсов: физические, биологические, энергоинформационные ресурсы формируют единую сеть территориально-рекреационных комплексов, обладающих индивидуальными, уникальными признаками и видами, свойственными той или иной территории (прямые, опосредованные, активные, исторические, эволюционные, экологические, лечебные и др.).

Характеристика Московского региона

В системе расселения Московской агломерации огромную роль играет один из крупнейших мегаполисов мира — Москва. Московская агломерация постоянно развивается и трансформируется, в настоящее время это агломерация моноцентрического типа. Она включает в себя Москву со всеми ее пригородами, является крупнейшим в России макроэкономическим регионом (территориально-производственный узел) и межрегиональным центром социально-экономического развития и притяжения центральной части и всей России, одной из крупнейших городских агломераций мира. Москва — это центр тяготения агломерации, которая в 10 раз превосходит по количеству жителей

attention is paid to the study of issues of the development of interconnected system of green space. Historical features of formation of the urban system are analyzed. The authors propose some approaches to preserve natural and wild landscapes in the structure of urbanized territories on the basis of their restoration and eco-reconstruction. Prospects of a complex approach to the merger of intra-urban and natural green areas into a single infrastructure «green space» are substantiated.

Key words:

Moscow agglomeration, Moscow region, landscape and urban planning system, natural and ecological framework, landscape urbanism, green space, eco-reconstruction.

Об авторах:

Красильникова Элина Эдуардовна – кандидат архитектуры, доцент, профессор кафедры градостроительства, Волгоградский государственный технический университет (ВолГТУ). 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, landurbanizm@gmail.com

Krasil'nikova Elina Eduardovna – Candidate of Architecture, Docent, Professor of Urban Development Department, Volgograd State Technical University (VSTU). 1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074, Russian Federation, landurbanizm@gmail.com

Гончарик Алеся Александровна – аспирант, Волгоградский государственный технический университет (ВолГТУ). 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, Alessia26@yandex.ru

Goncharik Alesya Aleksandrovna – Postgraduate Student, Volgograd State Technical University (VSTU). 1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074, Russian Federation, Alessia26@yandex.ru

другие города, входящие в агломерацию (при среднем расстоянии между соседними городами и поселками, не превышающем 10 км). Московская агломерация находится на 9—16 месте в мире [1].

Московский регион из-за административного разделения федеральной столицы лишен собственного центра.

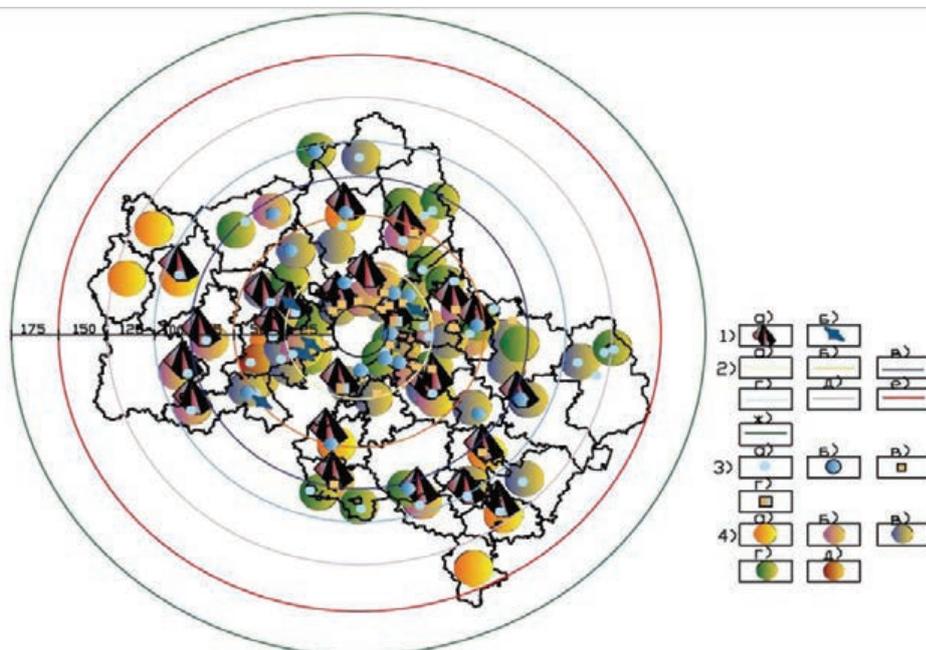
Система расселения Московской агломерации сформировалась под влиянием существующей транспортной инфраструктуры Москвы, которая зарождалась в древние времена. Основными путями сообщения на территории Москвы и Московского региона являлись реки, так как большую часть территории занимали непроходимые леса. Со временем развивалась транспортная связь со строительством: проезжих грунтовых дорог, трактов, железных дорог, аэродромов, автомобильных магистралей, канала имени Москвы, аэропортов, Московской кольцевой автомобильной дороги, Большого Московского окружного кольца, главных путей головных радиальных участков, кольцевого нефтепродуктопровода.

В настоящее время для устойчивого пространственного развития Московского региона предусматривается дальнейшее развитие существующей транспортной системы с интеграцией транспортных инфраструктур Московского региона в опорную сеть автомобильных дорог Российской Федерации и повышением качества транспортного обслуживания населения и экономики¹.

Особенность пространственно-планировочной структуры Московского региона заключается в функционально-типологическом разнообразии городов, формирующих ее градостроительную структуру, это: исторические города (Сергиев Посад, Коломна, Дмитров, Зарайск, Волоколамск, Серпухов, Звенигород, Можайск, Ногинск и др.), закрытые города (Краснознаменск, Власиха, Восход, Звездный Городок, Молодежный).

¹ Схема территориального планирования транспортного обслуживания Московской области, утвержденная постановлением Правительства Московской области от 25.03.2016 № 230/8.

Города Московского региона можно классифицировать по признаку территориальной удаленности от крупного мегаполиса, который напрямую зависит от сложившихся транспортных связей «центр — область» и, соответственно, от развития транспортной инфраструктуры агломерации.

Особенности городов: 1) — по функционально-типологическим признакам: а) исторические, б) закрытые; 2) по удаленности от мегаполиса, км: а) 25; б) 50; в) 75; г) 100; д) 125; е) 150; ж) 175; 3) по социально-экономической географии: а) с населением до 50 тыс. чел. — малые; б) от 50 до 100 тыс. чел. — средние; в) от 100 до 250 тыс. чел. — большие; г) от 250 тыс. чел до 1 млн — крупные; 4) по периодам образования: а) X–XII вв.; б) XII–XV вв.; в) XV–XIX вв.; г) XIX–XX вв.; д) XXI в.

В настоящее время для формирования благоприятного инвестиционного климата в городах Московского региона принято решение² об улучшении архитектурно-художественного облика среды городов, создании комфортной, экологически устойчивой и социально ориентированной городской среды Московского региона. Это подразумевает обеспечение безопасности и создание благоприятных условий жизнедеятельности человека. Благодаря улучшению архитектурно-художественного облика городов Московского региона будут ограничены негативные воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и будет обеспечена охрана и рациональное использование природных ресурсов в интересах настоящего и будущего поколений.

² Государственная программа Московской области «Архитектура и градостроительство Подмосковья на 2014—2018 годы», утвержденная постановлением Правительства Московской области от 23.08.2013 № 661/37 (с изм. от 14.06.2016 №453/19).

Важным аспектом в формировании комфортной и безопасной среды городов Московского региона является ребрендинг³ городов. Каждый из них уникален, так как имеет самостоятельное культурно-историческое развитие, ландшафтные и планировочные особенности формирования пространственно-планировочной структуры во взаимосвязи с природным каркасом. Таким образом, каждый из городов Московского региона имеет свою «городскую легенду» и свой уникальный, запоминающийся образ.

На формирование ландшафтной системы городов Московского региона оказали влияние процессы исторического развития городов Московского региона, а также этапы формирования и закрепления границы региона. Экспансия Московского княжества, первые земельные приобретения московских князей — это Можайское княжество (1303 г., запад, удел от Смоленска), ныне Можайский район Московской области, Коломенская земля (1300 г., юг, удел от Рязани), ныне Коломенский, Воскресенский, Ступинский районы Московской области, «Лопастеньские места» (1300 г., юг, волости от Рязани, расположенные на одноименной реке), ныне Ясногорский район Тульской области, Чеховский, Ступинский, Серпуховской районы Московской области и «иная места Рязанская» (между 1353 и 1359 гг., запад, волости от Рязани), ныне Наро-Фоминский район Московской области, купленные Москвой в княжествах Северо-Восточной Руси — Ростовском, Юрьевском, Дмитровском, Переяславском и др. Оставшуюся московскую территорию в научной литературе принято называть «Московской землей», которая вступила в качественно новый этап своего территориального развития, затрагивавший масштаб всей Северо-Восточной Руси.

Представления жителей о городе формируются окружающей действительностью — характером городской среды. Со временем отдельные элементы зрительного и ментального восприятия города укрепляются, передаются следующим поколениям, становятся накопленной коллективной памятью, традициями, идеями, смыслами города [2].

В настоящее время мероприятия по формированию индивидуального облика городов Московского региона проводятся на основе стратегии Правительства Московской области «Новый облик городов Подмосковья». Это стратегия направлена на создание современной и комфортной городской среды, освоение территорий, формирование рекреационных зон в структуре городов Московского региона.

Следовательно, можно прогнозировать, что города Московского региона могут быть векторами развития взаимосвязанной системы рекреационных территорий различного функционального назначения, которые в дальнейшем, при интеграции с транспортной инфраструктурой региона, образуют ландшафтно-градостроительную систему Московского региона.

---

³ Бренд города — идея, образ города, выражение уникальности города через развитие городской идентичности (философии и ценности города, индивидуальности города для притяжения целевой аудитории). Ребрендинг городов — процесс воссоздания нового уникального образа города через существующую городскую идентичность. Идентичность города — уникальность городского пространства и видение его изнутри.

Природный потенциал городов региона

В настоящее время для дальнейшего градостроительного развития Московского региона актуальны вопросы освоения природного потенциала ее городов. Природный потенциал городов Московского региона представлен широким спектром ландшафтно-рекреационных и природных территорий: это природные и национальные парки, крупные рекреационные комплексы, историко-культурные объекты, вписанные в живописные природные ландшафты, государственные природные заказники, памятники природы, особо охраняемые водные объекты, прибрежные рекреационные зоны, природно-исторические комплексы, особо охраняемые природные территории, горнолыжные курорты, старинные музеи-усадьбы, храмы, кремли, охотничьи хозяйства, озера, пещеры, конноспортивные комплексы, заповедники, водохранилища. Эти объекты создают неповторимый облик Подмосковья и являются основными структурообразующими элементами ландшафтно-градостроительной системы.

Проблемой формирования зеленой инфраструктуры городов и комплексным научно-практическим подходом к городскому озеленению занимались и занимаются ученые и ландшафтные архитекторы: В. В. Владимиров, Е. М. Микулина, З. Яргина, А. П. Вергунов, Е. Ю. Колбовский, В. В. Морозова, Н. Ф. Реймерс, П. П. Кавалюскас, Б. Б. Родман, Э. Н. Сохина, Е. С. Зархина, Н. С. Краснощекова, Л. Б. Лунц, Д. Корнер, В. А. Нефедов и др.

Важность применения идей ведущих ученых и практиков в области градостроительства и ландшафтной архитектуры связана с возможностью трансформации городов и сел Московского региона с различными природно-планировочными градостроительными структурами в единую сетевую структуру на региональном уровне.

К. Линч в своем труде «Образ города» определил содержание понятия «город»: город — это пути, границы, районы, узлы и ориентиры. В понимании К. Линча ландшафт в системе города является каркасом, образующим контакт между городом и социумом [3].

Современные элементы ландшафтно-градостроительной системы города представляют собой структуру, образованную из сепарации открытых озелененных городских пространств (озелененные территории общего пользования, ограниченного пользования и спецназначения), городских лесов, особо охраняемых природных территорий, транспортной инфраструктуры, общественных пространств города и жилой застройки.

Различные аспекты формирования взаимосвязанной системы ландшафтных и урбанизированных территорий рассматривались учеными, но исследований, посвященных созданию единой, концептуальной ландшафтно-градостроительной системы Московского региона не проводилось. Применение новых экологически и социально ориентированных направлений и теоретических концепций современного урбанизма является актуальным для формирования ландшафтно-градостроительной системы Московского региона. На наш взгляд, целесообразно остановиться на применении научных и практических основ теоретической концепции ландшафтного урбанизма в создании ландшафтно-градостроительной системы Московского региона.

Формирование комфортной, сбалансированной, «открытой природе» урбанизированной среды в контексте ландшафтного урбанизма рассматривается на уровне: а) региона, б) города, в) района, г) центра города и постиндустриальных нарушенных территорий [4].

Ландшафтный урбанизм в развитии урбанизированных территорий (предлагаемое использование) [4]

Регион	Развитие региональной системы рекреационных пространств природных ареалов, таких как долины рек, морские акватории, горные лесные массивы, исторические ландшафты в зоне влияния агломераций и метрополий
Город	Формирование ландшафтно-градостроительного сценария города на основе его интеграции с природным каркасом города и прилегающими территориями для эффективного территориального развития города. Приоритетность в создании контактных зон между элементами природного каркаса города и территориями с высокой степенью урбанизации. Формирование взаимосвязанной системы набережных как вектора развития прилегающих территорий
Район	Создание многофункциональных социально ориентированных общественно-рекреационных пространств, обеспечивающих экологический, визуальный комфорт и доступность для всех категорий жителей. Формирование ландшафтно-градостроительного сценария района
Центр города	Градостроительная регенерация центральных общественно-рекреационных пространств на основе формирования взаимосвязанной системы озелененных общественно-пешеходных пространств (green routs) и многофункциональных объектов в контексте с окружающей социокультурной средой
Постиндустриальные нарушения территории	Комплексная ландшафтно-градостроительная регенерация промышленных, постиндустриальных и нарушенных территорий, основанная на урбоэкологическом подходе к восстановлению комфортной и безопасной социально ориентированной среды. Формирование новых маркеров общественных пространств города во взаимосвязи с развитием прилегающих территорий

Интенсивный рост нового строительства в городах Московского региона содержит риски, которые ведут к экологической несбалансированности (изменениям связей в экосистеме, нарушению экологической устойчивости города). Сокращение природных территорий восполняется на основе беспорядочного (не определенного проектом реконструкции зеленых насаждений) компенсационного озеленения. Комплексное решение планировки города и отдельных районов города должно соответствовать ландшафтно-градостроительной системе конкретного города.

Экологические проблемы Московского региона заключаются в противоречии между интенсивными процессами урбанизации, сочетанием разнород-

ных градостроительных объектов и сохранением природной среды. Урбанизированные территории нуждаются в сохранении, рекультивации природных, естественных ландшафтов, в их защите путем правового и градостроительного регулирования и стратегического планирования развития территорий.

Основные направления формирования ландшафтно-градостроительной системы Московского региона

В Московском регионе существует ряд градостроительных проблем, которые требуют нового подхода для их решения. Необходимо разработать:

- систему сохранения существующих и новых природных рекреационных объектов на основе рефункционализации объектов озеленения;
- четкое функциональное назначение каждого объекта озеленения и режима его использования;
- градостроительные нормативы и правовые акты по сохранению природной среды в условиях интенсивной урбанизации;
- единую систему озеленения Московского региона (область — город — прилегающие территории);
- модели правового регулирования ландшафтно-градостроительной системы Московского региона;
- стратегию градостроительного освоения природных территорий Московского региона.

Ландшафтная организация территорий, в которой совмещаются градостроительные и природоохранные функции архитектурных объектов, направлена на создание урбо-экологического каркаса пространственных элементов Московского региона, ориентированного на обеспечение жизнеустойчивости природной среды для их дальнейшего устойчивого развития. В Московском регионе имеются благоприятные условия для формирования интегрированной системы сохранения существующих и создания новых природных объектов.

Наиболее благоприятные условия для формирования ландшафтно-градостроительной системы возникают в городах Московского региона в результате их постоянного развития. На сегодняшний день проекты планировок территории в городах Московского региона направлены на увеличение жилой площади и формирование доступной и благоприятной жизни населения. В связи с этим возможна миграция людей из одного района в другой, что увеличивает рекреационную нагрузку и антропогенное воздействие на существующие ландшафтно-рекреационные зоны городов.

Население — главная социальная подсистема города, определяющая параметры и организацию всех других подсистем, а социальные процессы — наиболее динамичный элемент пространственной структуры, характеризующий город с разных точек зрения [3]. В связи с возможными миграциями населения в регионе и увеличением в результате этого площади территорий жилой застройки за счет территорий ландшафтно-рекреационных объектов природные территории исчезают из градообразующих элементов планировочной структуры городов и сел. Таким образом, наблюдается неэффективное и несбалансированное использование природных территорий, исчезает единение природы с человеком, уменьшается количество озелененных территорий.

В структуре Московского региона в настоящее время активно происходят процессы освоения территорий под жилищно-гражданское и промышленное строительство. При этом практически не использован ресурс естественных ландшафтов в градостроительной концепции развития этих территорий, т. е. естественные ландшафты не включены в структуру застройки. В результате этого может изменяться, разрушаться, деформироваться сложившаяся градостроительная композиция планов исторических городов.

Следующая задача — необходимость усиления государственного контроля над состоянием и использованием природных территорий, исключаящего непланируемое (хаотичное или бессистемное) градостроительное освоение земель. Муниципальные образования устанавливают на своей территории индивидуальные требования и земельно-планировочные ограничения. Вследствие этого может повышаться риск возникновения социально-экологической напряженности в Московском регионе. Актуальность данного вопроса обусловлена отсутствием экологически устойчивой и социально ориентированной ландшафтно-градостроительной системы в городах Московского региона.

Заключение

Следовательно, можно сделать вывод о том, что на разных этапах исторического развития градостроительных структур городов Московского региона природные факторы всегда были наиболее устойчивыми элементами их пространственно-планировочной структуры, обладающими большим потенциалом и возможностями для трансформации и эволюции, так как им подчиняются более динамичные инфраструктурные элементы, такие как транспортная система, социальные, производственные и рекреационные связи.

Поскольку ландшафтно-градостроительная система сочетает в себе взаимосвязь открытых озелененных территорий, то для обеспечения единой системы озелененных территорий ограниченного и специального назначения, особо охраняемых природных территорий, городских лесов, городских озелененных общественных пространств, транспортной инфраструктуры, общественных пространств и жилых территорий необходимо:

- провести оценку современного состояния ландшафтно-градостроительной системы на всех территориальных уровнях;
- выявить закономерность в формировании ландшафтно-градостроительного каркаса городов Московского региона;
- определить стратегию развития ландшафтно-градостроительной системы региона;
- определить наиболее оптимальные пути устойчивого градостроительного развития территорий городов Московского региона в контексте теории и практики ландшафтного урбанизма.

Определение актуальных градостроительных проблем городов Московского региона обосновывает перспективность и необходимость формирования экологически стабильных фрагментов природного комплекса. Комплексный подход к развитию региона на основе формирования его ландшафтно-градостроительной системы будет способствовать включению естественных ландшафтов в структуру города, сохранению и обеспечению безопасной среды жизнедеятельности людей в городах Московского региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ларпо Г. М. Городские агломерации СССР — России: особенности динамика в XX в. // Российское экспертное обозрение. 2007. № 4.
2. Визгалов Д. В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.
3. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 327 с.
4. Красильникова Э. Э. Ландшафтный урбанизм. Теория-практика. Волгоград: ООО «ИАА “Областные вести”», 2015. 156 с.

REFERENCES

1. Lappo G. M. Urban agglomerations in the USSA – Russia: specific features of the dynamics in XX century. Rossiiskoe ekspertnoe obozrenie [Russian expert review], 2007, no. 4.
2. Vizgalov D. V. Brending goroda [Branding of the city]. Moscow, “Institution of the City Economy” Fund, 2011. 160 p.
3. Lynch K. Obraz goroda [The image of the city]. Moscow, Syroiizdat Publ., 1982. 327 p.
4. Krasil'nikova E. E. Landshaftnyi urbanizm. Teoriya-praktika [Landscape urbanism. Theory-practice]. Volgograd, “IAA “Oblastnye Vesti” Ltd., 2015. 156 p.

© Красильникова Э. Э., Гончарик А. А., 2017

*Поступила в редакцию
в июне 2017 г.*

Received in June, 2017

Ссылка для цитирования: Красильникова Э. Э., Гончарик А. А. Актуальные вопросы формирования ландшафтно-градостроительных макросистем (на примере Московской агломерации) // Социология города. 2017. № 2. С. 53—61.

For citation: Krasil'nikova E. E., Goncharik A. A. [Current issues of formation of landscape and urban planning macro-systems (by the example of Moscow agglomeration)]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2017, no. 2, pp. 53—61.

УДК 72.01:7.067

Введение

*Г. А. Птичникова,
О. А. Антофеева***ИСКУССТВО
В АРХИТЕКТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА**

Искусство позволяет создать новую идентичность публичных пространств города, превратить их в площадки пересечения творческих коммуникаций городского сообщества. Художественные средства выступают как мощный ресурс трансформации городского пространства, его переконструирования в соответствии с новыми общественными потребностями.

Общественные пространства городов претерпевают значительные изменения в течение последних десятилетий. Эти трансформации касаются как социальных функций, так и архитектурно-художественной формы городских пространств. Современный этап развития городов показывает эффективность использования новых художественных подходов при реанимации сложившихся и создании новых общественных пространств.

При изучении взаимоотношений искусства, социума и города авторы выделяют две основные модели. В первой модели скульптура или художественная инсталляция используют городское пространство как место для выставки. Вторая модель (арт-пространство) создается как результат тесного взаимодействия между разными видами искусства и архитектурой и междисциплинарного подхода всех участников проекта. Эта модель является объектом исследования в настоящей статье.

Ключевые слова:
арт-объект,
городское общественное
пространство,
художественный подход,
арт-пространство.

*Г. А. Ptichnikova,
O. A. Antyufeeva***ART IN ARCHITECTURAL
SPACE OF A MODERN CITY**

Стремление к духовной реализации через искусство свойственно самой человеческой природе, точно так же, как и стремление к коммуникативному обмену и социализации. На протяжении длительной человеческой истории такой ареной встречи искусства и социума служило архитектурное пространство города [1]. Причиной современного пристального интереса к городским общественным пространствам стали изменения в стратегиях развития современных городов. После экономического кризиса 2008 г. в мире отчетливо проявились тенденции развития городов за счет повышения качества среды проживания и востребованности художественной составляющей публичных пространств. Главным трендом городского развития в последние годы стало не строительство «зданий-достопримечательностей», аналогичных музею Гугенхайма в Бильбао, а улучшение качества городской среды во всех ее разнообразных типах. Известный российский архитектурный критик Г. И. Ревзин, анализируя этот процесс, отмечает направления, по которым идут современные города: «Не прибыль, но качество жизни горожанина, не частное, но общественное, не точки роста, но повышение общего уровня среды» [2].

Художественный подход становится востребованным и при решении проблем реновации депрессивных или постиндустриальных территорий в городах [3]. Так об этом пишет социолог К. Макарова: «Идентичность и ценность отдельных мест и пространств в городе повышается не только за счет какого-то образа или темы, но и за счет определенных форм использования этих пространств, организованных вокруг культуры и потребления. <...> Примеры “джентрификации через культуру” можно обнаружить во многих городах во всем мире, и подобные начинания нельзя не признать эффективными, поскольку они становятся центрами притяжения для проектов дальнейшего развития, создавая месту позитивный, хорошо узнаваемый имидж» [4]. Культура в стратегиях развития многих городов рассматривается как основной ресурс их развития, что, в свою очередь,

Art allows creating new identity of public spaces in the city, turning them into creative communication platform of the urban community. Works of art are a powerful resource of transformation of urban space, its redesign according to new needs of the society.

New urban art objects do not fit the classical definition and is not determined by traditional criteria. Art reinterpreted urban public spaces give rise to a new image of a modern city. Architectural and spatial changes in the public space of the city occurred during the 20th century. The emergence of new forms of social and cultural life of the community is the main cause of these transformations.

Nowadays typical of the early 20th century culture publicity is superseded by mass "exodus" of people in privacy. The tendency care of privacy leads to the fact that the squares and streets cease to be a meeting place and dialogue, which moved into the closed space. Responding to the challenges of time, historically public spaces of cities change or disappear. New architectural and spatial constructs are created. Artistic practices are one of the modern methods of resuscitation of public spaces. The objects of street art and public art, transforming the streets, squares, industrial and transport areas are the focus of our attention. Methods of creation of art objects on the basis of existing urban spaces are considered by the example of completed projects in Russia and abroad.

Key words:

art object,
urban public space,
artistic approach,
art space.

понуждает к трансформации публичных пространств.

Итак, одним из эффективных методов реанимации современных общественных пространств стали художественные практики. Городское общественное пространство привлекает внимание современных художников как материальный контекст и как арена коммуникаций со своей публикой [5]. За последние три десятилетия развилось «искусство в общественном пространстве» («паблик-арт»), которое вышло на улицы городов за пределы традиционной художественной инфраструктуры [6]. С другой стороны, следует отметить встречную тенденцию, развивающуюся в музейной сфере. Музеи стремятся расширить сферы своего влияния в городском пространстве и выходят из-за своих стен, образуя креативные музейные кварталы или зоны [7].

Отвечая на вызовы времени, создаются новые архитектурно-пространственные конструкты в качестве арены встречи людей с искусством и друг с другом. Эти «сложносочиненные» городские пространства, которые можно обозначить как «арт-пространства»¹, объединяют на своей территории известные типы социального общения и художественную деятельность². Интегральными социокультурными характеристиками обуславливаются и новые методы художественного формирования городских общественных пространств. Актуальность изучения подходов к созданию городских арт-пространств безусловна, так как на наших глазах появляется новый тип общественных пространств города.

Рассматривая взаимоотношения категорий искусства, социума и города, можно выделить две основные модели. В первой модели, кото-

¹ Термин «арт-пространство» позволяет более точно определить границы объекта рассмотрения и отделить его от многочисленных форм «паблик-арта», в том числе и тех, которые представляют собой скульптуры или отдельные арт-объекты в городской среде.

² Российский философ и культуролог М. С. Каган писал, что художественная деятельность, обладающая органической целостностью и неразложимая на составляющие ее компоненты, включает в себя все четыре вида субъектно-объектных отношений: познавательный, ценностно-ориентационный, преобразовательный, коммуникативный [8, с. 121].

Об авторах:

Птичникова Галина Александровна – доктор архитектуры, профессор, директор Волгоградского филиала Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук (НИИТАГ РААСН).
Российская Федерация, 400131, г. Волгоград, пр. Ленина, 2б, vp_niitag@mail.ru

Ptichnikova Galina Aleksandrovna – Doctor of Architecture, Professor, Director of The Volgograd branch of The Research Institute of the Theory and History of Architecture and Town Planning of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (NIITAG RAASN).
2b, Lenina Pr., Volgograd, 400131, Russian Federation, vp_niitag@mail.ru

Антофеева Ольга Алексеевна – кандидат архитектуры, доцент кафедры урбанистики и теории архитектуры, Волгоградский государственный технический университет (ВолГТУ).
Российская Федерация, 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, urbanistika_14@mail.ru

Antyufeeva Olga Alekseevna – Candidate of Architecture, Docent of Urban Development Department, Volgograd State Technical University (VSTU).
1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074, Russian Federation, urbanistika_14@mail.ru

рую обозначим «объект искусства в общественном пространстве», скульптура или художественная инсталляция были призваны украсить или обогатить архитектурное пространство. В этом случае открытое архитектурное пространство традиционно воспринималось как пустота, некий вакуум, потенциальным ресурсом которого подразумевается возможность расположения в нем арт-объекта. Архитектура служила либо фоном, либо пространственным ограничением для размещения произведения искусства. Ландшафтный дизайн добавлял дополнительные детали создаваемой объемно-пространственной композиции. Именно по этой схеме формировались многие городские площади — объемно-пространственные композиции, которые складывались из пустоты архитектурного пространства и массы художественного произведения.

Вторая модель показывает новые формы взаимосвязи искусства, архитектуры и городского социума. В последнее время появляются многочисленные примеры создания общественных пространств, которые сами по себе уже являются арт-объектом со всеми присущими ему свойствами (взаимодействие со зрителем в своей художественной целостности и уникальности и отсутствие жестко обозначенной функции). Такие открытые городские объемно-пространственные системы, обладающие свойствами художественного произведения, необычные по форме, отличающиеся композиционными характеристиками и ставшие местами активных социальных коммуникаций, можно обозначить как городские арт-пространства. Одним из первых европейских примеров создания общественных пространств как произведений искусства являются станции Стокгольмского метрополитена (рис. 1)³, включающие как подземные пространства, так и платформы под открытым небом.

Основная задача статьи — раскрыть особенности художественных подходов при формировании общественных пространств современного города.

³ В настоящее время Стокгольмское метро насчитывает 100 станций, из которых 90 являются площадками для различных художественных проектов.

Объектом исследования является городское общественное пространство, под которым понимается открытая объемно-пространственная система, обладающая свойствами произведения искусства, среди которых отметим взаимодействие со зрителем в своей художественной целостности и уникальности и отсутствие жестко обозначенной функции. В работе не рассматриваются временные или событийные пространства, срок жизни которых ограничен рамками той или иной акции или сценария, с использованием звуковых и медиаинсталляций, видеопроекций, перформансов.

Рис. 1. Подземные и открытые арт-пространства Стокгольмского метрополитена. Станция метро «Рюдхусет» (Rådhuset), восточный выход. Художник С. Олссон, 1975. Фото А. Вюген (Arild Vågen). Платформа станции Хегдален. Скульптор Б. Мюр, 2002. Фото Б. Обергер (Bengt Oberger)
Источники: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Rådhuset_metro_station и
URL:https://en.wikipedia.org/wiki/HögdaLEN_metro_station

Зарубежная практика

Проектирование общественных пространств традиционно связано с использованием средств архитектуры, монументально-декоративного искусства и ландшафтного дизайна. В последнее время эстетика городского пространства создается с использованием расширенной палитры художественных средств, в числе которых световой дизайн, видео-мэппинг, информационный дизайн, медиа-архитектура [9]. Каждый вид искусства характеризуется своим уникальным изобразительным языком, средствами и приемами. Архитектура и монументальное искусство на протяжении длительной истории постоянно тяготеют к объединению, создавая архитектурно-художественный синтез, в котором скульптура и живопись, выполняя собственные задачи, также обогащают и архитектурный образ. На практике при создании городских арт-пространств могут смешиваться художественные средства различных видов современного искусства и архитектуры в неожиданных сочетаниях, масштабах и формах.

В настоящее время продолжают активно развиваться методы проектирования, основанные на расширении художественных средств. Отмечая широкое применение в современном архитектурном пространстве художественных идей изобразительного искусства, Е. Д. Енютина делает вывод, что использование метода структурирования художественных идей изобразительного искусства для трансформации в архитектурное пространство помогает выйти за границы привычных проектируемых образов [10].

Анализ практики формообразования городских общественных арт-пространств позволил выделить новую форму синтеза искусств и архитектуры. Речь идет о гибридизации используемых художественных средств, о той художественной алхимии, которая обусловила усиление процессов гетерогенности городской среды, выражающейся в разнообразии форм, неожиданно соединяющихся между собой и порождающих совершенно новые сущности — городские арт-пространства в виде неких коллаборативных гибридов⁴, сформированных при междисциплинарном подходе [11—13]. Испанская исследовательница М. Казанова по этому поводу отмечает: «Симбиоз среди скульптуры, архитектуры и дизайна происходит в наше время часто, в результате можно найти архитектурные скульптуры, скульптурную архитектуру, дизайн как скульптуру, скульптуру как дизайн, <...> и многие другие вариации» [13]. Структурная гибридизация может заключаться в подходе, при котором средства живописи «отрываются» от масштаба картины и увеличиваются до размера градостроительной структуры. Смешение различных локальных художественных приемов, характерных для национальных культур, в одну объемно-пространственную композицию показывает возможности культурной гибридизации. Способы смешивания различны и могут осуществляться путем перехода, плавного перетекания или же представлять собой контрастный монтаж, коллаж.

Для более подробного анализа возможностей художественной гибридизации выбраны городские арт-пространства, которые представляют собой современный срез архитектурно-градостроительной практики.

Ярким примером гибридизации художественных средств различных видов искусства является Площадь Инкарнации в Севилье, которая в настоящее время получила название Метрополь Парасоль («Городские Зонты»). Долгое время она использовалась в качестве городской парковки, постепенно превращаясь в «мертвое пространство». Однако проведенные здесь археологические раскопки, в результате которых были найдены остатки сооружений эпохи Древнего Рима, решительно изменили ее судьбу. Реконструированная площадь (арх. бюро Юргена Майера (J. Mayer H. Architects), 2011) представляет собой новое разноуровневое общественное пространство, предлагающее широкий выбор времяпровождения: в пластической деревянной конструкции спрятались верхние видовые площадки, пешеходные променады для прогулок, рестораны и бары, где можно перекусить и полюбоваться видами города, внизу укрылся рынок, а в подземном уровне можно посетить музей археологии «Антиквариум» (рис. 2).

---

⁴ Само понятие «гибрид» (от латинского слова *hibrida* — помесь) до последнего десятилетия XX в. использовалось преимущественно в естественно-научном дискурсе. В настоящее время термины «гибридный урбанизм» или «урбанистическая гибридизация» вошли в современный словарь архитектора, однако понимаются по-разному. Понятие «гибридный урбанизм» часто связано с внедрением в городское планирование дигитальных технологий, с соединением физического пространства города и цифрового пространства [14]. Более широкое понимание этого термина связано с новыми подходами к изучению городского пространства, например расширением типологии и морфологии городского пространства и рассмотрением гибридизации как нового механизма городского развития [3; 11; 15].

Юрген Майер пришел в архитектуру из мира искусства и всегда увлекался скульптурными формами. Подход скульптора чувствуется в растекающейся форме «рощи» деревянных деревьев-структур, поднимающихся ввысь на 26 м. Чтобы сохранить нетронутыми найденные руины, опорные колонны были установлены в строго определенных местах, зато профиль ячеистой подвесной конструкции завораживающе прихотлив — формы ни одного из шести «городских зонтов» не повторяются. По словам архитектора, его вдохновляли купола соборов Севильи и кроны растущих на площади деревьев. Таким образом, Майер смешивает природное и рукотворное и подчеркивает другой, еще более очевидный контраст — истории и современности.

Рис. 2. «Деревья-грибы» на площади Метрополь Парасоль, Севилья. 2011. Фото Р. Силва (Ruvini Silva). Источник URL: <http://www.weekendnotes.com/metropol-parasol/>

В качестве примера культурной гибридизации предлагается рассмотреть общественное пространство парка Суперкилен в Копенгагене, Дания (арх. группа Superflex и бюро Б. Инглеса, ландшафтное бюро ТОРОТЕК1, 2012 г.) как пример синтеза архитектуры, ландшафтного дизайна и искусства — от начальной концепции до стадии строительства (рис. 3). Социально-этническое разнообразие района авторы проекта «перевели» на язык искусств. Особенностью разработки этого объекта является смешение художественных элементов национальных культур, представители которых проживают в районе. Этническое разнообразие в мультикультурном социуме района выражается в использовании объектов городского дизайна из тех стран, из которых прибыли мигранты. Главным художественным подходом стало использование средств разных видов искусства в необычных сочетаниях и масштабах, не свойственных традиционным техникам. Основными средствами здесь выступают цветное структурирование застройки, пластические искажения и имитация форм городского дизайна. Масштабными живописными мазками вытянутая на 750 м территория делится на три зоны: красная (площадь), черная (рынок) и зеленая (парк). Кроме того, были использованы приемы пластической деформации (здание в красной зоне, рельеф в черной и зеленой зонах) и приемы имитации, т. е. привнесение копий объектов дизайна и искусства из стран Африки, Азии и Европы, символизирующих родные места тех, кто живет сейчас в Дании.

Рис. 3. Красная зона, Суперкилен, Копенгаген, 2012. Фото И. Баан (Iwan Baan). Источник URL: <http://www.topotek1.de/#/en/projects/alphabetical/110>

Так же, как и другие объекты искусства, общественные арт-пространства являются объектом художественной коммуникации, местом культурного диалога между посетителями и объектом. Искусство в общественном пространстве дает возможность свободного выражения взгляда художникам, возможность выбора актуальной темы в различных контекстах, возможность расширения или сужения понятия «общество», с которым входит в диалог созданное арт-пространство. Понимание культуры как свободного процесса, основывающегося на индивидуальном творчестве и общественной терпимости, формирующего и распространяющего культурные ценности для создания единого городского пространства с учетом интеграции локальных культур и при сохранении культурного наследия, является принципом художественного подхода к формированию общественных пространств.

Другой установкой организации городских арт-пространств можно назвать их нацеленность на эмоциональное восприятие, возможно даже с использованием художественной провокации, когда создается интрига, заставляющая зрителя остановиться и попытаться вступить в эмоционально-психологический контакт с художественным произведением. Так, например, никого не оставляет равнодушным новый образ площади Метрополь Парасоль. Гигантская пластическая структура фантастических «грибов», вознесшихся над Севильей, создает сильное эмоциональное впечатление. Человек ощущает себя подобно Алисе в Стране Чудес, откусившей от волшебных грибов и уменьшившейся до уровня травы. Встреча с чем-то неожиданным — это дополнительный шанс проникнуть в сознание человека, что является характеристикой современного искусства. Как писал Ю. Б. Боров, «искусство просвечивает покровы, раскрывает скрытое, поэтому оно полно “великолепных нелепостей”, ожидаемых неожиданностей, волшебства» [16, с. 131].

Пример позитивного эмоционального восприятия результата «прививки» средств графического дизайна монохромной среде сложившегося городского района представляет собой мост «Велосипедная змейка» в Копенгагене (арх. бюро Dissing + Weitling architecture; инженерная часть Rambøll, ландшафтная

архитектура М. Левинсен и Landskab, 2014). «Тонкая красная линия» извилистого моста работает на контрасте с суровым урбанистическим окружением (рис. 4). Непредвиденность решения инженерного сооружения как графического объекта рождает эмоциональный отклик как у велосипедистов, пролетающих через плавные изгибы оранжево-красной дорожки, так и у городских созерцателей, расположившихся под мостом на набережной.

Рис. 4. Мост «Велосипедная змейка», Копенгаген, 2014. Фото: DISSING+WEITLING architecture. Источник URL: <http://www.dw.dk/cykelslangen/>

Свобода функционального использования является одним из принципов формирования общественных арт-пространств. Это подразумевает не просто многофункциональность (способность к реализации того или иного набора функций), а возможность посетителю выбрать то социальное поведение или вид деятельности, к которому он более склонен в данный момент времени, иными словами, это место освобождения от предписанной функциональности. Примером такого общественного пространства являются площадки-платформы «Три острова» нового жилого района Эрстад в Копенгагене, Дания (арх. бюро Open Research Team (ORT), 2013 г.). Три плавучие платформы, подобно кувшинкам, плавающим на поверхности воды, предлагают жителям места для свободного времяпровождения. Платформы имеют различную пластику и предназначены для выбора разных видов досуга (наблюдение за птицами и водной флорой; место для проведения концертов и спектаклей; рыболовство, неформальное общение) (рис. 5).

Рис. 5. Платформа «003», Эрстад, Копенгаген, 2013. Фото ORT. Источник URL: <http://www.publicspace.org/en/works/h104-de-tre-oer>

Итак, при создании городских арт-пространств используется несколько способов моделирования. К числу таких способов отнесем, кроме использования архитектурных традиционных построений пространственной композиции, художественные приемы, связанные с новыми подходами к формообразованию:

- деформация формы, под которой понимаются пластические искажения (удлинение, сжатие, сдвиг, изгиб, кручение);
- утрирование масштаба формы (зуммирование);
- цветное формообразование (цветовая трансформация нейтральной городской среды);
- имитация как подражание и повторение каких-либо известных форм в новом контексте;
- симуляция как создание видимости в реальности не существующих форм.

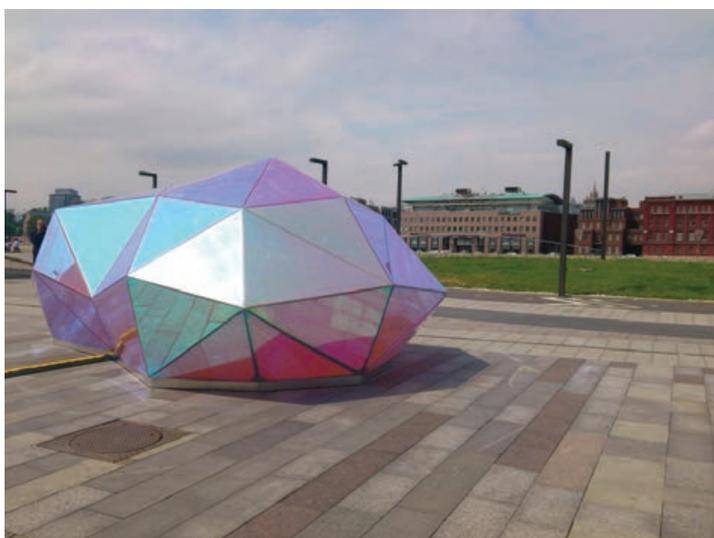
Российская практика

В российской практике использование новых художественных подходов при создании общественных пространств является редким явлением. Одной из причин является то, что в советский период была сформирована традиция формализованного и экономного отношения к общественным пространствам, которая до сих пор продолжает жить в сознании как городских властей, так и жителей города. Пространственно-территориальный импринт многих городов в течение советского периода был выхолощен идеологическими требованиями определенного архитектурно-градостроительного и художественного выражения. Основными художественными средствами этого времени были использование эмфатических подчеркнутых форм, монументальность, симметрия, использование пластического богатства по-новому интерпретированной неоклассики. Жилищный кризис также внес свой вклад в обеднение городского пространства, так как финансовые проблемы решались за счет строительства жестких пространственных схем микрорайонов, сформированных типовыми жилыми или общественными зданиями на основе принципов функционализма и утилитаризма. Специалист по современному искусству Н. Аллахвердиева подчеркивает, что «визуально бедная реальность советского города стала не только фактором дизайна городской среды, который до сих пор трудно преодолеть, она сформировала тотальный дефицит социального и управленческого воображения относительно альтернативных способов освоения городского пространства» [17].

Советская эпоха в дополнение к историческим публичным пространствам, которые в настоящее время охраняются как объекты культурного наследия, добавила несколько основных типов общественных пространств, судьба которых оказалась весьма проблематична в постсоветский период развития городов. К таким специфическим пространствам относятся центральные площади и площадки у общественных и административных зданий, которые были спроектированы специально для массовых действий и государственных церемоний. Не останавливаясь подробно на очевидной современной дисфункциональности этих пространств, скажем, что их ключевой проблемой

является тот факт, что в настоящее время они перестали быть общественными с точки зрения создания и поддержания социальных взаимодействий.

За последние несколько лет в столице и некоторых региональных городах-центрах нашей страны были разработаны различные стратегии восстановления и оживления этих пространств, в том числе и через использование средств современного искусства. В числе подобных проектов можно назвать реконструкцию Триумфальной площади и Крымской набережной в Москве (рис. 6), проекты «Новая Голландия» и «Большая Конюшенная» в Петербурге, «Квартал 130» в Иркутске, «Рыбная деревня» в Калининграде, памятник клавиатуре в Екатеринбурге, арт-проекты «(Re)Inventing the Public: checkpoint» / (Из)Обретая публичное: точки входа» в Волгограде и «Art on Site/ Искусство места» в Екатеринбурге, серия объектов паблик-арт, выполненных во время 8-й Бьеннале визуальных искусств во Владивостоке.

Рис. 6. «Путешествующая» инсталляция *Cityscope* на Крымской набережной в Москве. Автор М. Хеммрлинг. Фото Птичниковой Г. А., 2015

В Волгограде в июне 2015 г. прошла Декада паблик-арта «(Re)Inventing the Public: check-points / (Из)Обретая публичное: точки входа». Этот проект стал первым опытом в проектировании, планировании и реализации проектов в области паблик-арта в регионе. Проектная команда поставила своей задачей оживить средствами современного искусства заброшенные и неиспользуемые пространства в городе. Художественные проекты располагались в разных частях Волгограда и Волжского. Была сформирована сеть из 11 пространств — «точек входа», которые объединились различными формами активности. Были выбраны городские подземные переходы, малые архитектурные формы советского периода, заброшенное здание в пойме реки Царица, дворы города, Главпочтамт, пространство гостиничного номера и др. Основным объектом художественной интервенции стала территория Волгоградского гидролизного завода. Бывшее здание спиртохранилища интерпретировалось как «Красный куб». Концепция подразумевала вертикальное тематиче-

ское зонирование. Первый этаж — «Spiritus» («Спирит/Дух») был посвящен художественным попыткам осмысления исторического наследия Волгоградского гидролизного завода, рефлексиям о «духе места» и его значении для актуального момента. Второй этаж — «Medius» («Срединный») был задуман как площадка для общения и для временных акций, перформансов и различных форм образовательной активности. Третий этаж — «Corpus» («Тело») был посвящен разнообразным вариантам развития территории в будущем с позиции урбанистики и городского планирования.

Вместе с рядом удачных примеров анализ практики показывает, что искусство вторгается в городскую среду российских городов чересчур острожно, не в меру строгие директивы стоят на пути художественных интервенций. Несмотря на благие намерения всех участников этих проектов, полученные результаты в виде новых или реконструированных общественных пространств слишком строго кодифицированы в архитектурной форме и непомерно заужены в социально-культурных значениях.

Заключение

Подводя итог, следует сделать вывод о том, что современный этап развития городов показывает необходимость широкого использования художественных практик и подходов к реанимации сложившихся и созданию новых общественных пространств. При их формировании используются средства различных видов искусства, архитектуры и ландшафтного дизайна в тесном взаимодействии, которое проявляется в переплетении, скрещивании, переосмыслении художественных приемов и подходов, иными словами, в форме художественной гибридации.

Так же, как и другие объекты искусства, общественные арт-пространства являются объектом художественной коммуникации, местом культурного диалога между горожанами и городским объектом. Арт-пространства дают возможность свободного выражения взгляда художникам, возможность выбора актуальной темы в различных контекстах, возможность расширения или сужения понятия «общество», с которым входит в диалог пространство, созданное как арт-объект. Понимание культуры как свободного процесса, основывающегося на индивидуальном творчестве и общественной терпимости, формирующего и распространяющего культурные ценности для создания единого городского пространства с учетом интеграции локальных культур и при сохранении культурного наследия, является принципом современного художественного подхода к формированию общественных пространств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Лефевр А.* Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html>
2. *Ревзин Г. И.* Москвич идейный. Какой хотели бы видеть российскую столицу ее жители // Коммерсант Власть. 2014. № 33. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2539142> (дата обращения: 27.07.2016).
3. *Urban Regeneration. A challenge for Public Art / A. Remesar (ed.).* Barcelona: Universitat de Barcelona, 2005. 140 p.

4. Макарова К. Постиндустриализм, джентрификация и трансформация городского пространства в современной Москве // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 2(70). С. 150—152.
5. Хохлова А. М. Городские публичные места как площадки культурного производства и потребления // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. Т. XIV. № 5. С. 182—191.
6. Гороховская Л. Г. Прогулки по городу: «публик-арт» в городском пространстве Владивостока // *Вестник ДВО РАН*. 2014. № 6. С. 64—70.
7. Антюфеева О. А. Архитектура современного музея как художественный ландшафт (музей Данубиана в Братиславе) // *Academia*. Архитектура и строительство. 2013. № 2. С. 31—35.
8. Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.
9. Витюк Е. Ю. Городская среда как арт-объект // *Вестник ТГАСУ*. 2012. № 364. С. 43—48.
10. Енютина Е. Д. Трансформация художественных идей изобразительного искусства в архитектурное пространство // *Вестник МГСУ*. 2014. № 4. С. 7—13. DOI: 10.22227/1997-0935.2014.4.7-13
11. Птичникова Г. А., Королева О. В. Гибридизация в городской архитектуре // *Социология города*. 2016. № 1. С. 5—17.
12. Хачатурян В. М. К проблеме трансформации культурного пространства в эпоху глобализации: гибридизация и анклавизация // *Культурологический журнал*. 2013. № 1(11). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/185.html&j_id=13
13. Casanovas M. Public Art and its integration in the Urban Environment // *Urban Regeneration. A challenge for Public Art / A. Remesar (ed.)*. Barcelona: Universitat de Barcelona, 2005. Pp. 19—23.
14. de Souza e Silva A. From cyber to hybrid: mobile technologies as interfaces of hybrid spaces // *Space & Culture*. 2006. № 9 (3). Pp. 261—278.
15. Птичникова Г. А., Антюфеев А. В. Массовое общество и массовая архитектура // *Социология города*. 2011. № 2. С. 3—10.
16. Борев Ю. Б. Эстетика. М.: Высшая школа, 2002. 511 с.
17. Алахвердиева Н. Современное искусство в городской среде: стратегии, ресурсы и технологии // *Про публик арт: современное искусство в общественных пространствах*. URL: <http://www.propublicart.ru/publication?id=18>

REFERENCES

1. Lefebvre A. [Social space]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency stock], 2010. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html> (access date 23 December, 2016).
2. Revzin G. I. [An ideological Moscow resident. How would its residents like to see the Russian capital]. *Kommersant Vlast'* [Kommersant Vlast'], 2014, no. 33. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2539142>
3. Remesar A. (ed.). *Urban Regeneration. A challenge for Public Art*. Barcelona, Universitat de Barcelona, 2005. 140 p.
4. Makarova K. [Post-industrialism, gentrification and transformation of city space in modern Moscow]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency stock], 2010, no. 2(70), pp. 150—152.
5. Khokhlova A. [Urban Public Places as Arenas of Cultural Production and Consumption]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2011, XIV(5), pp. 182—191.
6. Gorokhovskaya L. G. [The walks around the city: public art in city space of Vladivostok]. *Vestnik DVO RAN* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences], 2014, no. 6, pp. 64—70.

7. Antyufeeva O. A. [Architecture of Contemporary Art Museum as Artistic Landscape (The Danubiana Meulensteen Art Museum in Bratislava)]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Construction], 2013, no. 2, pp. 31—35.
8. Kagan M. S. *Chelovecheskaya deyatelnost' (Opyt sistemnogo analiza)* [Human activity (Experience of the system analysis)]. Moscow, Politizdat Publ., 1974. 328 p.
9. Vitjuk Ye. [City environment as art-object]. *Vestnik TGASU* [Tomsk State University Journal], 2012, no. 364, pp. 43—48.
10. Enyutina E. D. [Transformation of artistic ideas of visual art into architectural space]. *Vestnik MGSU* [Vestnik MGSU], 2014, no. 4, pp. 7—13. DOI: 10.22227/1997-0935.2014.4.7-13
11. Ptichnikova G. A., Koroleva O. V. [Hybridisation in urban architecture]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 1, pp. 5—17.
12. Khachaturyan V. M. [Towards the problem of transformation of cultural space in the era of globalization: hybridization and anclavization]. *Kul'turologicheskii zhurnal* [Journal of Cultural Research], 2013, no. 1(11). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/185.html&j_id=13
13. Casanovas M. *Public Art and its integration in the Urban Environment. Urban Regeneration. A challenge for Public Art*. Barcelona, Universitat de Barcelona, 2005. Pp. 19—23.
14. de Souza e Silva A. From cyber to hybrid: mobile technologies as interfaces of hybrid spaces. *Space & Culture*, 2006, no. 9 (30), pp. 261—278.
15. Ptichnikova G. A., Antyufeyev A. V. [Mass society and mass architecture]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 2, pp. 3—10.
16. Borev Yu. B. *Estetika* [Esthetics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2002. 511 p.
17. Alakhverdieva N. [Modern art in the urban environment: strategy, resources and technologies]. *Pro pablik art: sovremennoe iskusstvo v obshchestvennykh prostranstvakh* [About public art: modern art in public spaces]. URL: <http://www.propublicart.ru/publication?id=18> (access date 21 November, 2016).

© Птичникова Г. А., Антюфеева О. А., 2017

Поступила в редакцию
в март 2017 г.

Received in March, 2017

Ссылка для цитирования: Птичникова Г. А., Антюфеева О. А. Искусство в архитектурном пространстве современного города // Социология города. 2017. № 2. С. 62—74.

For citation: Ptichnikova G. A., Antyufeeva O. A. [Art in architectural space of a modern city]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2017, no. 2, pp. 62—74.

УДК 316

*Б. А. Навроцкий,
Н. Н. Седова***СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА
КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА:
ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ,
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ
И МЕТОДЫ**

Социологические теории среднего уровня связаны между собой. Эта связь проявляется по-разному и должна использоваться эффективно. Развитие современной социологии региона базируется на достижениях социологии города и социологии села, но не является их суммой. Анализ предметного поля, задач и методов исследования в указанных дисциплинах позволил сделать вывод о том, что они соотносятся как пересекающиеся множества. Реализуется функциональная связь между ними, но критерии сопоставления данных этих трех дисциплин ненадежны. Необходимо разработать коэффициенты перевода количественных данных между этими дисциплинами. Целесообразно не включать социологию города и социологию села в учебный курс «Социология региона», а преподавать как самостоятельные дисциплины.

Ключевые слова:
социология села,
социология города,
социология региона.

*B. A. Navrotskii,
N. N. Sedova***URBAN SOCIOLOGY
AS SCIENTIFIC DISCIPLINE:
OBJECT FIELD, FUNCTIONAL
CONNECTION AND METHODS**

Sociological theories of the middle level are interconnected. This relationship is manifested in different ways and should be used efficiently. The development of modern sociology of the region is based on the achievements of urban sociology and rural sociology, but it is not their sum. The analysis of the field, objectives and methods of research in these disciplines has led to the conclusion that they are related as overlapping sets. The functional relationship

Введение

Дифференциация современной социологии по отраслевым направлениям свидетельствует о превалировании экстенсивных тенденций в ее развитии и латентной борьбе классической и неклассической исследовательских традиций. При этом возникают «области пересечения» отраслевых социологий, из которых постепенно формируются новые направления. Возникает вопрос о статусе этих направлений: являются ли они некими тематическими ответвлениями сложившихся специальных и/или отраслевых социологий, представляют ли собой новые дисциплины внутри общей социологии?

В контексте ответов на эти вопросы интересно рассмотреть соотношение таких дисциплин, как социология села, социология города и социология региона.

Социология села

Социология села (или аграрная социология) определяется исследователями соответствующей проблематики по-разному. Есть сугубо дескриптивные определения: «Социология села — специальная социологическая теория, объектом познания которой является село как социально-территориальная общность, исторически конкретная поселенческая структура, одна из первых форм расселения людей, занятых преимущественно сельскохозяйственным трудом, характеризующаяся в отличие от города небольшой концентрацией населения на определенном пространстве; предмет изучения — закономерности и тенденции развития сельского поселения как социальной системы, включающей в себя бытовые, духовно-нравственные и производственные отношения» [1].

Иногда социологию села называют социологией сельского хозяйства, выводя в качестве предмета исследования прежде всего формы организации труда, а затем, применяя все тот же дескриптивный подход, перечисляют другие предметные области — структуру и способы функционирования различных социальных и профессиональных групп, объединенных одним признаком проживания в сельской местности [2].

between them is implemented, but the criteria for the correlation of the data from these three disciplines are unreliable. It is necessary to develop the conversion factors to the quantitative data between these disciplines. It is advisable not to include rural sociology and urban sociology in the "Sociology of the Region" training course, and teach them as independent disciplines.

Key words:
rural sociology,
urban sociology,
sociology of the region.

Об авторах:

Навроцкий Борис Александрович —
доктор философских наук,
профессор,
главный редактор журнала
«Социология города»,
Российская Федерация, 400074,
г. Волгоград, ул. Академическая, 1,
banavr17@gmail.ru

Navrotskil Boris Aleksandrovich —
Doctor of Philosophy, Professor —
Chief Editor of «Sociology of City»,
1, Academicheskaya St., Volgograd,
400074, Russian Federation,
banavr17@gmail.ru

Седова Наталья Николаевна —
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук,
доктор юридических наук,
зав. Отделом этической,
правовой и социологической
экспертизы в медицине,
Волгоградский медицинский
научный центр,
nns18@yandex.ru

Sedova Natal'ya Nikolaevna —
Honored Scientist of the RF,
Doctor of Philosophy, Doctor of Law,
the Head of the Department
of Ethical,
Legal and Sociological Diligence
in Medicine,
Volgograd Medical Scientific Center,
nns18@yandex.ru

Более строго аграрную социологию определяют как «отрасль социального знания, предметом изучения которой являются аграрные сообщества и сельское хозяйство» [3].

Пик популярности проблематики аграрной социологии пришелся на начало XX в., когда в США появились классические исследования У. Томаса и Ф. Знанецкого, а Питирим Сорокин предпринял успешную попытку структурировать ее категориальное поле. Впоследствии интерес к проблемам села у социологов носил дискретный характер: он естественным образом пробуждался там и тогда, где и когда село играло принципиальную роль в общественно-экономическом развитии стран и народов. Так было в период крушения колониальной системы в XX в., когда на политическую арену вышли государства с преимущественно сельским населением. Так было и в конце XX — начале XXI вв., когда село затронули процессы глобализации, веяния мультикультурализма и вторжение новых биотехнологий.

Возможно поэтому социологов, специализирующихся на изучении села, специально готовят во многих вузах западных стран, а научные разработки в этой области координируются Международной Ассоциацией социологии села [4]. Хорошо известны в мире и престижные периодические издания по аграрной социологии: «Sociologia ruralis», «The journal of peasant studies», «Journal of agrarian change» и др.

В ведущем российском журнале «СоцИс» есть рубрика «Социология села», где обсуждаются вопросы развития сельских территорий России, социальных настроений сельских жителей, межпоколенческие отношения в «крестьянском мире» и судьба самого этого мира [5—8].

Социология города

Социологии города повезло меньше, соответствующей рубрики в крупных социологических журналах нет, хотя интерес социологов к городской проблематике гораздо шире, чем к сельской, судя по количеству исследований, результаты которых представлены в других рубриках профильных периодических изданий и в научных докладах российских социологических форумов [9; 10].

Дело в том, что городская проблематика буквально поглощается другими отраслевыми социологиями. Так, например, социология науки изучает ее развитие, в основном, в городах, причем крупных. Социология политики связана, прежде всего, с политической жизнью городов. Демографические проблемы, включая миграцию, межэтнические конфликты, экономические реформы, не говоря уже о культурных процессах, — все это происходит в городах, поскольку в них сосредоточено большинство населения. На 01.01.2014 население в городских районах страны составляло 106 549 000 чел., или 74,2 %. Соответственно, в сельской местности проживали 37 118 000 чел., или 25,8 % [11]. Следовательно, феномен города выступает одним из доминирующих факторов во всех отраслевых социологиях.

Но обособление социологии города как отдельной отраслевой социологии, несмотря на отсутствие соответствующей рубрики в ряде профильных журналов, все-таки реализуется благодаря существованию специального издания — журнала «Социология города» [12].

Мы не будем здесь листать его страницы, поскольку городская проблематика достаточно хорошо известна. Отметим только, что в социологии: а) город имеет статус социального института; б) он выступает как совокупность всех других социальных институтов общества; в) город задает программу взаимодействия всех представленных в нем социальных субъектов. А это значит, что «социология города соотносится с общей социологической теорией как теория среднего уровня, а с конкретной социологией — как социология отраслевая. Это положение фиксирует не статику, как в дефинициях, а динамику социологии города. Зафиксированное соотношение может измениться, но на сегодняшний день оно представляется именно таким» [12, 11].

Своеобразной областью пересечения социологии города и социологии села стали исследования, посвященные проблемам пригородов [13]. Правда, само понятие «пригород» уже обозначает тяготение скорее к проблематике социологии города, чем к проблематике аграрной социологии. Но все же рассматриваемые проблемы касаются и той, и другой стороны, поскольку пригород — это еще не город, но уже не село. Кроме того, социология пригорода помогает определить критерий компаративного подхода в исследованиях города и села. Действительно, по какому основанию мы можем их сравнивать? Только по одному — территориальному. Есть урбанизированные территории, и есть кастеллумизированные («деревня» от лат. *castellum*). Территория проживания изучаемых социальных субъектов — это константный признак, остальные — производные. Урбанизированные территории характеризуются высокой плотностью населения, концентрацией промышленного производства, научно-образовательных локаций, сосредоточением капитала и т. п. Кастеллумизированные территории отличаются низкой плотностью населения, развитым сельским хозяйством, отсутствием крупных производственных, финансовых, учебных организаций и т. п. Это все хорошо известно, поэтому остановимся лишь на одном примере — дифференцированном подходе к медицинскому обслуживанию.

Известно, что медицинская помощь адресована всем, без исключения, жителям страны. С 2011 г. начала проводиться модернизация системы здравоохранения в соответствии с «Концепцией развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 года» [14]. В частности, была введена

трехуровневая система оказания медицинской помощи в каждом регионе. Покажем, что она из себя представляет на материале одного из них.

Трехуровневая модель распространяется на все профили оказания медицинской помощи и представляет собой следующую структуру (табл.) [15].

Трехуровневая модель оказания медицинской помощи на региональном уровне

Представлен	Реализуется	Задачи	Категория медучреждений
1 уровень			
Первичная медико-санитарная помощь	Преимущественно в амбулаторных условиях, включая дневной стационар	Осуществление мероприятий по профилактике, своевременной диагностике, лечению заболеваний и состояний, медицинской реабилитации, наблюдению за течением беременности, формированию здорового образа жизни и санитарно-гигиеническому просвещению населения	Амбулаторные отделения (поликлиники) участковых больниц, ЦРБ муниципальных образований, поликлиники, поликлинические отделения больнично-поликлинических объединений городских округов
2 уровень			
Специализированная медицинская помощь в межрайонных центрах	Преимущественно в условиях стационара, в том числе дневного (консультативно-диагностическая помощь — профильными специалистами в амбулаторных условиях)	Осуществление мероприятий по профилактике, диагностике, лечению заболеваний и состояний, в том числе в период беременности, родов и послеродовый период, осуществление медицинской реабилитации, требующих использования специальных методов и сложных медицинских технологий	Стационарные медицинские учреждения (отделения), утверждаемые в качестве межрайонных центров по соответствующим направлениям в установленном порядке
3 уровень			
Специализированная высокотехнологичная медицинская помощь, оказываемая в головных профильных специализированных учреждениях	Преимущественно в условиях стационара (консультативно-диагностическая помощь возможна в амбулаторных условиях)	Оказание специализированной, в том числе высокотехнологичной медицинской помощи с применением новых сложных и уникальных, а также ресурсоемких методов лечения	Многопрофильные или специализированные стационарные медицинские учреждения (отделения), утверждаемые в качестве головных региональных центров по соответствующим направлениям (профилям) в установленном порядке

Очевидно, что предметом изучения в социологии села не может быть третий уровень оказания медицинской помощи, да и второй под вопросом, поскольку районные больницы располагаются в малых, но все же городах — районных центрах. Получается, что социология города может изучать все три уровня, то есть систему здравоохранения как социальный институт, а в социологии села институциональный подход уже ограничен, поскольку в исследовательское поле входит только первый уровень оказания медицинской помощи.

Следует отметить, что для социологии города тоже есть ограничения: например, в ее проблематику не входит рассмотрение социального статуса и эффекта работы фельдшерско-акушерских пунктов (ФАПов). И это говорит о том, что полноценно такой социальный институт, как здравоохранение, может изучаться в отраслевых социологиях — города и села — лишь частично. Это влечет определенные интеллектуальные потери в интерпретации результатов исследований. Вариантом снятия возникших противоречий стало объединение городской и сельской проблематики опять же по территориальному критерию, но более высокой степени общности.

Социология региона

Поэтому (и не только) при всей важности и востребованности социологических исследований как городской, так и сельской проблематики, опережающее развитие приобрело в последние годы новое направление в социологии — социология региона. Она моложе тех направлений, о которых говорилось выше, но уже изучается в вузах как отдельная дисциплина, разработана даже рабочая программа «Социология региона» для профильных вузов. В нее социология села и социология города включены как отдельные темы, что представляется ошибочным.

Центральным понятием в данной отрасли социологии является термин «регион». Он многозначен и может обозначать некую пространственную определенность, выделенную в соответствии с предметом исследования. Существует несколько трактовок понятия «регион», которые достаточно полно характеризуются в литературе [17]. Скажем только, что в отечественной социологии понятие «регион» обозначает территориальную единицу, чаще всего субъект Федерации. Другое, распространенное в политической социологии толкование данного понятия связано с международными отношениями и обозначает группу стран, связанных территориально. Но нас интересует регион как территориальное образование внутри страны. И в этом смысле каждый регион включает как города, так и сельские поселения. Логичен вопрос: не является ли региональная социология соединением социологии города и социологии села?

Выскажем предположение, что связь здесь не может быть однозначной. Проблемы городов рассматриваются в региональной социологии, но: а) не все и б) преимущественно функционально (влияние урбанизации на развитие региона, влияние статуса и динамики региональных процессов на развитие городов и т. п.). Справедливо данное утверждение и для социологии села, которая не поглощается региональной проблематикой, но пересекается с ней. Двумерное соотношение может выглядеть так (рис):

Соотношение социологии региона, социологии города и социологии села как отношения пересекающихся множеств

Реально эта связь многомерна. Ее можно охарактеризовать следующими положениями, которые мы представляем как **выводы** к данной статье:

1. Социология региона, социология города и социология села являются самостоятельными научными дисциплинами, отличающимися объектом (территориальные единицы), предметом (социальные процессы на данных территориях) и территориально конкретизированными задачами исследований. При этом методы этих трех дисциплин идентичны, хотя, как известно, чем меньше изучаемая общность, тем большее значение приобретают качественные методы исследования по сравнению с количественными.

2. Критерием для сравнения данных указанных дисциплин выступает их территориальная определенность. В то же время каждая из трех территорий (регион, город, село) обладает уникальными статусными характеристиками, которые не выводимы друг из друга.

3. Следует признавать недостоверными данные исследований в социологии региона, которые основаны на механическом объединении данных исследований входящих в этот регион городов и сел. Актуальной задачей социологической науки является разработка математического аппарата, способного описать синтез этих данных, и обоснование коэффициентов для перевода эмпирических исследований социологии города и социологии села в форму, соответствующую задачам социологии региона.

4. В системе социологического образования нецелесообразно включать темы по социологии города и по социологии села в учебный курс дисциплины «Социология региона», их необходимо преподавать как самостоятельные.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лихачев Н. Е. Социология села. Социологический словарь. URL: <http://enc-dic.com/sociology/Sociologija-Sela-8625.html>
2. Социология аграрная. URL: <http://www.cyclopedia.ru/92/209/2676019.html>
3. Никулин А. М. Аграрная социология. URL: http://knowledge.su/a/agramaya_sociologiya.html
4. International Rural Sociology Association. URL: <http://www.irsa-world.org/>

5. Бондаренко Л. В. Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // Социс. 2016. № 3. С. 76—82.
6. Конев Ю. М., Белоношко М. Л., Барбаков О. М. Социальные настроения сельских жителей юга Тюменской области // Социс. 2016. № 3. С. 82—87.
7. Виноградский В. Г. Крестьянский мир в дискурсе поколенческой печали // Социс. 2015. № 12. С. 82—91.
8. Бессокирная Г. П. Происходит ли «разложение крестьянства» в реформирующейся России? // Социс. 2014. № 6. С. 104—111.
9. Седова Н. Н. Социология города: достижения и потери (впечатления о IV Очередном Всероссийском социологическом конгрессе) // Социология города. 2013. № 1. С. 56—63.
10. Навроцкий Б. А. Город как предмет интереса российских социологов (заметки о V Всероссийском социологическом конгрессе) // Социология города. 2016. № 4. С. 5—9.
11. Население России. URL: http://countrymeters.info/ru/Russian_Federation
12. Навроцкий Б. А. Социология города: теория среднего уровня или отраслевая социология? // Социология города. 2017. № 1. С. 101—108.
13. Звоновский В. Б., Меркулова Д. Ю., Соловьева Ю. В. Жители новых российских пригородов: «чужие» или «свои»? // Социс. 2015. № 4. С. 61—79.
14. Концепция развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://federalbook.ru/files/FSZ/soederghanie/Tom%2012/1-9.pdf>
15. Об утверждении концепции трехуровневой системы медицинской помощи, схем маршрутизации при оказании медицинской помощи и распределения по уровням медицинских учреждений, участвующих в оказании медицинской помощи населению Волгоградской области. URL: <http://pandia.ru/text/77/498/10626.php>
16. Учебно-методический комплекс дисциплины «Социология региона». URL: <http://diss.seluk.ru/m-sotsiologiya/582404-1-kafedra-sociologii-uchebno-metodicheskii-kompleks-disciplini-sociologiya-regiona-osnovnoy-obrazovatelnoy-programmi-specialnosti-04.php>
17. Цыренов О. Ч. Регионализация и регионализм: понятие и классификация // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 9. С. 35—38.

REFERENCES

1. Likhachev N. E. *Sotsiologiya sela. Sotsiologicheskii slovar'* [Rural sociology. Sociological dictionary]. URL: <http://enc-dic.com/sociology/Sociologija-Sela-8625.html>
2. *Sotsiologiya agrarnaya* [Agricultural sociology]. URL: <http://www.cyclopedia.ru/92/209/2676019.html>
3. Nikulin A. M. *Agrarnaya sotsiologiya* [Agricultural sociology]. URL: http://knowledge.su/a/agrarnaya_sociologiya.html
4. *International Rural Sociology Association*. URL: <http://www.irsa-world.org/>
5. Bondarenko L. V. [Development of rural territories of Russia: estimates, opinions, expectations]. *Sotsis* [Sociological Studies (Socis)], 2016, no. 3, pp. 76—82.
6. Konev Y. M., Belonozhko M. L., Barbakov O. M. [Social mood of rural residents in the south of Tyumen region]. *Sotsis* [Sociological Studies (Socis)], 2016, no. 3, pp. 82—87.
7. Vinogradskiy V. G. [Peasant world in discourse of generational grief]. *Sotsis* [Sociological Studies (Socis)], 2015, no. 12, pp. 82—91.
8. Bessokirnaya G. P. [Is “decay of peasantry” underway in reforming Russia?]. *Sotsis* [Sociological Studies (Socis)], 2014, no. 6, pp. 104—111.

9. Sedova N. N. [City sociology: achievements and losses (Impressions about IV Next All-Russian Sociological Congress)]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2013, no. 1, pp. 56—63.

10. Navrotskii B. A. [A city as a subject of Russian sociologists' interest (Notes on V All-Russian Sociological Congress)]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 4, pp. 5—9.

11. *Naselenie Rossii* [The population of Russia]. URL: http://countrymeters.info/ru/Russian_Federation

12. Navrotskii B. A. [Sociology of a city: the mid-level theory or sectorial sociology?]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2017, no. 1, pp. 101—108.

13. Zvonovsky V. B., Merkulova D. U., Solovieva Ju. V. [New Russian suburban's settler: "aliens" or "domestic"]. *Sotsis* [Sociological Studies (Socis)], 2015, no. 4, pp. 61—79.

14. *Kontseptsiya razvitiya sistemy zdравookhraneniya v Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda* [The concept of the development of healthcare system in the Russian Federation till 2020]. URL: <http://federalbook.ru/files/FSZ/soederghanie/Tom%2012/1-9.pdf>

15. *Ob utverzhdenii kontseptsii trekhurovnevoi sistemy meditsinskoi pomoshchi, skhem marshrutizatsii pri okazanii meditsinskoi pomoshchi i raspredeleniya po urovnyam meditsinskikh uchrezhdenii, uchastvuyushchikh v okazanii meditsinskoi pomoshchi naseleniyu Volgogradskoi oblasti* [Towards the approval of the concept of three-level system of medical care, route schemes in case of healthcare delivery and distributions on levels of the medical institutions that deliver healthcare to the population of Volgograd Oblast]. URL: <http://pandia.ru/text/77/498/10626.php>

16. *Uchebno-metodicheskiy kompleks distsipliny «Sotsiologiya regiona»* [Educational and methodical complex of "Sociology of the Region" discipline]. URL: <http://diss.seluk.ru/m-sotsiologiya/582404-1-kafedra-sociologii-uchebno-metodicheskiy-kompleks-disciplini-sociologiya-regiona-osnovnoy-obrazovatelnoy-programmi-specialnosti-04.php>

17. Tsyrenov O. Ch. [Regionalization and Regionalism: Definition and Classification]. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of ZabGU], 2012, no. 9, pp. 35—38.

© Навроцкий Б. А., Седова Н. Н., 2017

Поступила в редакцию
в мае 2017 г.

Received in May, 2017

Ссылка для цитирования: Навроцкий Б. А., Седова Н. Н. Социология города как научная дисциплина: предметное поле, функциональные связи и методы // Социология города. 2017. № 2. С. 75—82.

For citation: Navrotskii B. A., Sedova N. N. [Urban sociology as scientific discipline: object field, functional connection and methods]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2017, no. 2, pp. 75—82.

**УСЛОВИЯ
ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ
И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ
ОРИГИНАЛАМ**

Научно-теоретический журнал «Социология города» (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГТУ и иных научных организаций и вузов.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГТУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).

Журнал **входит в утвержденный ВАК** Минобрнауки России **Перечень** ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал выходит четырежды выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.) (*скачать бланк* <http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>), 2) анкеты автора (<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>). Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. — от 500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется подписью автора (соавторов).

Объем статьи — не менее 10 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office (Word 2003)*; шрифт *основного текста* — Times New Roman (Сур) № 11 (11 пунктов).

Для набора формул используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи, при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзацным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9...10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисуночной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip*, *WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300...600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Сур) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ЦИТИРОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАНЕЕ В ЖУРНАЛЕ СТАТЕЙ. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Сур) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректур статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

- март (прием статей до 1 декабря);
- июнь (прием статей до 1 марта);
- сентябрь (прием статей до 1 июня);
- декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

Человек в современном городе.

Город как экономическая система.

Управление социальными и экономическими системами.

Город и власть.

Архитектурное пространство как социокультурный феномен.

Техносфера современного города: город и экология.

Направлять статьи, обращаться по вопросам условий публикации по адресу jurnalfil@mail.ru

Обращаться по вопросам приобретения очередного номера журнала к главному редактору журнала «Социология города» Б. А. Навроцкому: (8442)-96-99-25. E-mail: jurnalfil@mail.ru

Документы высылать по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210 (РИО).